

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Герман Романов

«ЗАСЛАННЫЕ КАЗАЧКИ»»

Самозванцы из будущего

Герман Романов

**«Засланные казачки».
Самозванцы из будущего**

«Яуза»

2013

Романов Г. И.

«Засланные казачки». Самозванцы из будущего / Г. И. Романов — «Яуза», 2013

НОВЫЙ фантастический боевик от автора бестселлеров «Спасти Колчака» и «Попаданец» на троне!» Что будет с нынешними «ряжеными» казаками, окажись они в прошлом, в кровавом аду Гражданской войны? Сегодня они величают себя «хорунжими» и «атаманами», щеголяют в казачьей форме, с тупыми шашками и самодельными ногойками, но в народе их окрестили «асфальтовыми» казаками, а настоящие станичники считают самозванцами, которые не умеют ни ездить верхом, ни толком стрелять, не говоря уж о владении клинком. И вот пара таких «ряженных» проваливается в Даурию 1920 года, в самое пекло Гражданской войны, – сначала к красным, прямиком в пыточную ЧК, потом к белым, которые сразу распознают в «попаданцах» «ЗАСЛАННЫХ КАЗАЧКОВ» и норовят поставить к стенке, а затем и к легендарному барону Унгерну, за беспощадность получившему прозвище «Даурский ворон», – он любит слушать по ночам крики пленников, закопанных в степи по шею на съедение псам-людоедам...

© Романов Г. И., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

Пролог. Тункинская долина, Республика Бурятия	6
Часть первая. «На той единственной, гражданской»	12
Глава первая. Александр Пасюк	12
Родион Артемов	13
Помощник командира комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев	15
Глава вторая. Александр Пасюк	17
Родион Артемов	18
Помощник командира комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев	19
Глава третья. Александр Пасюк	21
Родион Артемов	23
Помощник командира комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев	26
Глава четвертая. Родион Артемов	28
Александр Пасюк	29
Помощник командира комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев	30
Глава пятая. Александр Пасюк	33
Родион Артемов	34
Помощник командира комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев	35
Глава шестая. Александр Пасюк	38
Родион Артемов	39
Помощник командира комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев	41
Глава седьмая. Александр Пасюк	43
Родион Артемов	45
Помощник командира комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Герман Романов

«Засланные казачки».

Самозванцы из будущего

©Романов Г., 2013

©ООО «Издательство «Яуза», 2013

©ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Выражаю признательность Павлу Александровичу Новикову, доктору исторических наук, профессору ИрГТУ, своему давнему научному соавтору, без помощи которого вряд ли бы удалось написать романы «Спассти Колчака» и «Спассти Каптеля»

Посвящаю «ряженным казакам» с надеждою, что они перестанут быть таковыми

Пролог. Тункинская долина, Республика Бурятия (18 марта 2012 года)

*Все лица и события есть
плод авторского воображения.
Любое сходство совершенно
случайное совпадение.*

– Не май месяц, как бы нам не обморозиться! Вьюга-то какая разыгралась! Как ты думаешь, Сан Саныч?!

Молодой парень, лет двадцати, может, чуть больше, ибо пушка на лице еще бритва не касалась, весело отплясывал на весенних, чуть грязноватых проталинах, уже прилично засыпанных все прибывающим снегом: кирзовые сапоги, пусть и с шерстяными носками, не самая лучшая для этого времени года обувь.

Хоть уже и пригревает днем весеннее солнышко, да только ночи самые что ни на есть зимние, с леденящим душу студеным, звонким звездным небом, и ласковая оттепель в любой момент по причудливой прихоти погоды может смениться на метель и мороз.

– Вот ведь, мать ее, весна называется! Двенадцать месяцев зима, а остальное лето... Как там поется?

Он, пожившись, поднял воротник серой парадной офицерской шинели уже полузабытых советских времен. Вопрос, явившийся риторическим, был, словно в подтверждение слов, подхвачен и унесен очередным порывом снежного ветра.

– Ну и хиус! Не зря небо с утра морошное было...

– Че-е-го?! Ты говори по-русски-то! Никак не могу до сих пор привыкнуть к твоим словечкам!

Молодой забубнил, все глубже кутаясь в продуваемую насквозь шинель, продолжая громко топтать сапогами.

– Слышь, Сан Саныч, заправь мне папаху под воротник, а то дуёт в уши и за шкуру сыплет!

– А ты не у́хами слухай, а уха́ми, тогда и поймешь! Дервня! Не дуёт, а дует! Сколько вас ни учи...

Второй, более зрелых лет – под сороковник, никак не меньше, а то лет на пять и больше, со стриженной бородой, так дернул за воротник шинели, что парень покачнулся:

– Хиус, говорю, дует!

– Угу!

Молодой замычал, соглашаясь. Потоптавшись, он попытался встать по ветру, но безжалостные порывы кружили белую мерзлую карусель всюду, находя малейшие возможности, чтобы забраться в рукава, за воротник или еще куда, пробирая холодом до дрожи.

– Ты где папаху-то брал, паря? – Тот, что постарше, поправил свою, добротную, шитую из старого овчинного полушубка. – Говорил я тебе, справу у меня покупай! Как для себя сшил бы тебе и грошей бы скинул немного... – он прищурился, прикидывая, – добре бы скинул! Вот стой теперь, мерзни!

– Сам шил! мех стоит, как сбитый Боинг, – он покачал головой, – две с полтиной тыщщи заплатил! Хороший мех, искусственный итальянский, под овчину...

Молодой отчаялся уже бороться с ветром и просто нахлобучил папаху на глаза. Громко шмыгнув, он втянул голову в плечи, поближе к поднятому воротнику шинели, отчего на рас-

терзание ветру остался один несчастный нос, под которым уже предательски поблескивали замерзшие сосульки.

– Ну-да, ну-да! Вот все вы такие и есть, – Сан Саныч поморщился, – искусственные... Дурак, говорю! Моя-то – натуральная, из овчины! Как раз на тебя кусок-то и остался! Потом бы, Родя, и расплатился!

– Ага!

Родион от обиды аж вытянул шею, но тут же снова скукожился, получив щедрую порцию ледяной крупы в найденный ветром промежуток между шеей и воротником.

– Не зря тебя, Пасюк, побить хотели! Я тебе еще за сапоги и за, – он натянул папаху, полностью скрыв даже нос, – шинелку должен! Так здорово ты мне цену по-свойски скинул, что с твоей скидкой я почти в полтора раза дороже, чем в другом месте бы взял! А папаху твою вообще бы для меня на вес золота вышла...

– А ты найди сперва другое место! Вот то-то же! Сам же говоришь, папаху была бы хороша, ну какие тогда разговоры за деньги? Ну а это фуфло и папахой назвать сложно!

Сан Саныч придирчиво оглядел ярко-желтый, кислотно-ядовитого цвета шлык с перекрестием блестящих золотого отлива ленточек.

– А шинель? Я бы тебе все и пришил, за гроши-то! И папаху купил бы, не пожалел...

– Угу!

Только и оставалось снова промывать Родиону, соглашаясь с Пасюком, одетым не в пример теплее его: высокие монгольские сапоги с собачьим мехом, злосчастная овчинная папаху, теплый, из рыжей верблюжьей монгольской же шерсти башлык, надежно защищавший шею, в отличие от его синтетического шарфика.

Даже щегольская, черная бекеша Пасюка, являвшаяся объектом всеобщей зависти, выглядела теплее и основательнее, чем его хлипкая шинелька. Правда, невдомек Родиону было, что сие произведение искусства было состряпано рукастым казаком из найденного на помойке старого пальто, выброшенного неизвестным хозяином или даже хозяйкой, за полной негодностью, давностью лет и переменчивостью моды, о чем, естественно, Пасюк предпочитал не распространяться.

На бекеше чудно смотрелся искусно пошитый, опять же, Пасюком башлык, концы которого сейчас были закинута за широкую спину, но не засунута под офицерский ремень – традиция, по которой всем должно быть видно, что казак гулеванит.

Вся остальная фурнитура его обмундирования была, в большинстве своем, сделана, опять-таки, самолично и с большой тщательностью. На плечах Пасюка были аккуратно пришиты погоны с четырьмя звездочками подьесаула реестрового казачьего войска, ибо дополнялись соответствующими эмблемами в виде скрещенных шашек белого цвета (казаки, входившие в Союз казаков России, старались использовать для этой цели маленькие золотистые императорские короны). На рукавах имелись самодельные «романовская» императорская нашивка принадлежности к монархическим взглядам и совершенно неуставной шеврон с черепом и перекрещенными костями, которые являли собой «Адамову (или «мертвую», как она часто именовалась в обиходе) голову».

Довершала картину маслом висящая на портупее бравая кавказская шашка, размером чуть ли не в половину роста невысокого, или, как говорят в таких случаях, коренастого, а чаще, мал клоп да вонюч, Пасюка. Что им двигало, когда он выбирал себе сие оружие, неизвестно. Видимо, все же прав был старина Фрейд, рассуждая о приоритетах размеров и мужских сублимаций, с ними связанных...

Тем не менее эта шашка производила на Родиона неизгладимое впечатление отчасти и потому, что у него, во-первых, вообще никакой не было – покупка была не из дешевых.

Одно утешало: сегодня, пусть и на время, у него была шашка – как дали ему на сохранение перед «культурной программой», так и не забрали. Родион даже ночью не снял ее: жалко,

хозяин проспится, шашку назад потребует, а так – немного и ему поносить досталось, почувствовать приятную тяжесть, оттягивающую правое плечо.

Во-вторых, шашка Пасюка привносила в его образ некий колорит, добавлявший в глазах Родиона еще больше уважения и тайного трепета перед настоящим, с его точки зрения, казаком.

Правда, что такое этот настоящий казак, Родион для себя, по причине своего недавнего вступления в славные ряды иркутских казаков, пока еще не определил, но пример для подражания перед его глазами уже имелся, и какой!

А на груди у Пасюка!

Еще один недостижимый пока образчик идеала: сплошь, что называется, первая часть народной мудрости, которая про грудь в крестах! В четыре ряда «иконостас» казачьих медалей закрывал в некоторых местах даже пуговицы.

Чего тут только не имелось, проще было сказать, чего тут не было, но это не мог бы сделать даже сам Пасюк, ибо современная казачья геральдика сводилась к принципам: «А почему бы нам, братья-казаки, не сляпать медальку, а чему ее посвятить, потом придумаем!» и «На тебе, казак, носи за то, что ты – казак!», поэтому все попытки систематизации несчетного числа современных казачьих наград неизбежно заходили в тупик.

Однако надо было отдать должное, Пасюк не опустил, как некоторые, до банальной покупки старых, дореволюционных и времен Гражданской войны, наград с последующим навешиванием на могучую грудь!

Это уподобление обвешанным блестящей мишурой новогодним елкам вкупе с не меньшей экстравагантностью поведения и тягой отнюдь не к прекрасному, а к бутылке, свойственные современному российскому казачеству, давно получило у обывателей презрительное наименование «асфальтного или ряженого воинства», а равно «кошачье-собачье войско».

Сегодня же Пасюк очень сильно удивил Родиона: он надел всего лишь три награды.

«Понимаешь, не поймут меня местные! Стыдно перед ними: они-то, как мы, к казачеству по-другому относятся... Совсем по-другому, чтобы тут Тузиком выставочным, таким кобелем-производителем, премированным гарцевать, позвякивая на каждом шагу! Да и вообще, тошно мне...»

Отчего и почему «тошно», Родион так и не понял, но решил все-таки выяснить, но потом, в более подходящее время.

Сейчас же, отбивая зубами чечетку, Родион проникся осознанием того, что форма современных казаков была слишком блестящей и красочной, предназначенной в основном для постановочных народных гуляний, чего не скажешь о месте и времени, в котором они с Пасюком сейчас шеголяли.

Так вот, исходя из всего перечисленного, вид бравого Пасюка неизбежно привел Родиона в уныние. Желтые петлицы шинели, судя по степени износа, нашли в его лице явно не первого владельца, благо приобретены им были по очень сходной цене и являлись плодом кустарных трудов очередного казачьего народного умельца, с заточенными под известно что руками, и также криво были пришиты, но уже самим Родионом.

Погоны приходились под стать петлицам: потертые, выцветшие, серебряные, с одинокой звездочкой подхорунжего (но с дырками еще под три – «на вырост») на желтом просвете, через который проступала кое-где нездоровая краснота – изначальная расцветка погона была самолично замазана «штрихом» и покрашена фломастером.

Эти погоны напоминали ему старые стоптанные синие сандалии, в которых словно выросла вся деревня у бабушки, куда его отвозили на лето к родне на каникулы, и доставшись, наконец, Родиону.

– Эй! – увесистый хлопок по спине вывел из минутной задумчивости. – Замерз, чего ли? Не бойсь, Родя, прорвемся! – Пасюк потряс Родиона за плечи. – Ни хрена не обморозимся, коли для сугреву имеется!

Он выудил из-за пазухи початую бутылку водки:

– Давай доставай из кармана закусь и стаканчики!

Однако Родиону сделать это было не просто: теплые вязаные варежки лишали возможности разделить крепко слипшуюся от влаги пластиковую тару. Эти варежки, что остались трофеем от недавней пассии, покинувшей его на прошлой неделе в поисках более состоятельного и щедрого спутника жизни, с розовым узором и легкомысленными помпончиками, Родион Артемов прятал в кармане и никому не показывал, дабы не вызвать насмешек в свой адрес.

Но тут припекло – перчатки для форса в самый раз, но тепло держали плохо, а нарастающий по вечерней поре морозец диктовал свои условия. Так что, воленс-ноленс, пришлось надевать «трофей», дабы не обморозить нужные для работы пальцы, ибо давить на клавиши аккордеона красными пострадавшими «сардельками» то еще удовольствие...

– Не могу, Саныч, давай сам! Без варежек вообще кончу пальцы...

Варежки скользили по поверхности стаканчиков, а приложенные усилия грозили смять хрупкий белый пластик и оставить их без тары хлебать по очереди из горла.

– Ну, ничего вы, молодежь, не можете сами!

Пасюк стянул зубами теплые овчинные перчатки, сунул их под мышку, разделил стаканчики и протянул их Артемову.

– Держи уже, да смотри, не вырони!

Это предложение было очень кстати: вокруг быстро наступала темнота, погода стремительно портилась прямо на глазах. Прямо сплошной стеной пошел снег, падая густыми хлопьями, моментально закрыв из виду трассу, по которой проносились с надсадным ревом терзаемых двигателей редкие уже к ночи автомобили.

Водители явно спешили добраться в Аршан до наступления ночи, а созерцание этого еще больше приводило двух казаков в уныние, рассеять которое не помогала бутылка «Ангарских огней», вкуче с початой упаковкой колбасы, задубевшей в вакуумной нарезке в ожидании покупателя (местные плодами современной колбасно-сосисочной промышленности не увлекались, предпочитая домашнее мясо).

До поселка было идти недалеко, по сибирским меркам, часа на полтора резвого хода, если кто не подбросит на попутке, но приятели решили остаться караулить машину, пока водитель сходит за бензином, который закончился как раз не вовремя, потому как после получасового голосования с шлангом и пустой канистрой так никто и не остановился. Времена нынче не те, измельчала человеческая добродетель!

Бросать машину и идти вслед за водителем пока еще имелась возможность, и снег не разошелся всюду, казаки не захотели: топтать белыми ноженьками пять с лишним километров им было лень.

Пасюк щедро разлил водку по пластмассовым стаканчикам, надежно прикрывая их широкой спиной как от разбушевавшегося совсем некстати ветра, так и от снежных хлопьев, что немилосердно запорошили их белым покрывалом.

– Разгулялась погодка, иттить ее налево! Кто ожидал, что всего за четверть часа разверзнутся хляби небесные!

Казачки дружно выпили, кхекнули, занюхали сивушный запах местного «самиздата» маленьким сухариком по очереди, выловили из пачки по маленькому тонкому кусочку колбаски.

Все как всегда – водки много, а закуски взять никто не удосужился. Так и желудок посадить можно с этими казачьими праздниками!

– Что делать будем, Сан Саныч?! Метет сильно, пора нам к машине подаваться...

– Тут склон нас защищает от ветра, сосны от снега! Замерзнем мы там, бензина-то нет. Водила до утра уже не вернется, что он, дурак что ли? Куда же он смотрел? Сразу по морде видно было, что просит у него кирпича...

– Ну, морды у нас у всех после вчерашнего кирпича просят!

Родион зябко подернул плечами, прогоняя тошноту, накопившую от воспоминаний о вчерашней пьянке.

– Видать, думал, до места дотянем... Давай, хоть чуток бензинчика сольем, что-нибудь там ведь осталось? Хотя... – он замешкался, – костер здесь не разожжешь! Ты же сам мне говорил, что у бурятов есть здесь священные места! Голову даю на отсечение, что местные этот вулкан священным местом почитают, могут накостылять по шее за огонь-то...

– Сами им накостыляем! У нас револьвер и две шашки! Мы плювать хотели! Когда замерзнем, тогда запалим. Деваться некуда будет – жизнь она дороже всяких там запре...

Договорить Пасюк не смог, закашлялся. Природа словно обиделась на такие слова – снежный заряд, свирепо брошенный ветром, залепил ему лицо. Отерся рукавом, сплюнул.

– Ты прав, Родя. Пошли к машине, иначе нас здесь ветром своротит, хрен поднимемся! До этой колымаги полста метров – от камня строго вперед. Хотя, – он помахал рукой, словно надеясь разогнать, как надоедливых мух, белые хлопья, застилавшие все вокруг, – ее уже не разглядеть! Не нравится мне эта погода, только бутылку почали, как снежная буря накрыла. Не к добру!

– А ты бы побрызгал, на камень бы водки полил, Бурхана уважил...

– Щас! – Пасюк оборвал Родиона. – Я всех этих ламаистов-шаманистов знаешь, где видал? Развели тут священные пни и рожи: ленточки привязывать, монетки разбрасывать! Водки и так самим не хватает! Вот еще! Шиша вам с маслом!

Он погрозил кулаком в пустоту навстречу завывающему ветру.

– Истинный крест. – Размашисто перекрестившись, казак продолжил: – Ложил я на эти суеверия! Ну, ладно, пошли, брат, ты прав, а то до ушей скоро заметет!

– Не видно ни зги, Саныч! Выужит-то как! – Родион вздохнул боязливо, но добавил уже решительным голосом: – Надо идти, в машине уютней в такой буран, по крайней мере, ветра нет. Да там и одеяло есть, укроемся. Да, там еще горелка есть с сухим спиртом!

– Тогда живем! Греться будем, и выпить еще есть!

Казачки переглянулись, и молодой решительно двинулся вперед. Пурга, внезапно свалившаяся на их головы, была плотной – уже в трех метрах стояла белесая пелена. К тому же приходилось прикрывать лицо рукавом – колючие льдинки били больно, царапая кожу, зато ветер оказался попутным и живо толкал их в спины.

Идти было относительно легко – сугробы давно осели, растопленные весенним солнышком, образовался твердый наст, на который можно было спокойно ступить.

– Что за хреновина?!

Через минуту Пасюку стало ясно, что они выбрали неправильное направление – покоцанной «семерки» не было.

– Где машина-то?!

– А шут ее знает! – Родион выглядел не менее обескураженным. – Никак мы не туда пошли?!

– Ветер сбил, – говорить было трудно, и подьесаул прикрыл лицо рукою. Глаза почти ничего не видели в снежной мгле. – Надо обратно поворачивать, под соснами легче будет переждать буран! А то в степь уйдем, а там намного хуже придется!

– Так пошли!

Родион почти кричал, в голосе чувствовалось напряжение – он в такую передрыгу еще ни разу не попадал в жизни. Но то был еще не страх – через четверть часа казаков объял самый

настоящий ужас. До крутого склона потухшего вулкана со спасительными соснами они так и не добрались, еле продираясь через сильные порывы ветра.

– Хана нам, Родя-а-а! – неожиданно прокричал прямо в ухо молодому казаку Пасюк, крепко держа того за ремень – иначе бы приятели давно потеряли друг друга.

– Мы, кажется, заплута-а-а-ли! А мороз крепчает, ночь уже!

– Ой, мамочки... Вот и сходили мы с тобою выпить водочки на природе...

Часть первая. «На той единственной, гражданской» (март 1920 года)

Глава первая. Александр Пасюк

– Держись, Родя, держись, иначе хана! Замерзнешь, казак!

Он сильно тряхнул парня за шинель, но тот только промычал в ответ, расслышать что-либо в воющем ветре стало совершенно бесполезным делом, да и его самого уже охватывало отчаяние от полной безнадёги – заблудиться в буране и так бестолково погибнуть!

Хотя от их машины, в какую сторону они ни пошли бы, через несколько километров обязательно должны были наткнуться на жилые дома: дорога от Тунки до курортного поселка Аршан буквально забита придорожными селениями. Здесь, на двадцатикилометровой отрезке проживает большая часть двадцатитысячного населения живописной горной долины, «Байкальской Швейцарии», как ее называли еще с позапрошлого века.

Раньше Пасюк читал, что именно в таких вот свирепых буранах и гибли зачастую чуть ли не в десяти метрах от жилища, и не верил написанному, посмеивался: иди прямо в любую сторону и обязательно выйдешь к людям, и никак иначе.

Как бы не так!

Сейчас он на собственной шкуре убедился, каким убийственным бывает ветер, как запораживает глаза снежная пелена, и понял, что правы те, кто писали, что раньше в буран замерзали в Тунке целые отары овец вместе с чабанами. Да и как идти прямо, если ветер кружит, ежесекундно и сам, меняя направление, сбивает с ног несчастных путников.

– Родя, да что же ты!

Парень в полном бессилии только головой мотал – пара часов блужданий по кругу совершенно его вымотали, а теперь мороз окончательно довершал черное дело.

Если хотя бы на мгновение присесть на снег, ища укрытие от буйного ветра, то смерть неслышно подкрадется к человеку – вместо лютого холода в теле станет тепло, а потом накинёт свое покрывало последний в жизни сон.

Проклятый ветер! Если бы не он, то можно было бы найти дорогу к спасительному жилищу.

– Мать твою!

Пасюк достал из кармана телефон, нажал на кнопку – экран засветился, но «палок» не было. Видно, сотовая связь отключилась: или буран помехи поставил, или вышки обледенели.

И как назло, морозец продолжал крепчать – пальцы, даже в овчинных перчатках почти задеревенели. И еще мучительно хотелось курить, но не на таком же ветру прикуривать?!

– Твою мать! Не за понюшку табака сгинуть можно!

Александр последним усилием поставил Артемова на ноги, сделал несколько неуверенных и тяжелых шагов, будто войдя в какую-то пустоту, и непроизвольно ахнул – впервые леденящие кровь порывы снежного бурана не пронзили бекешу насквозь, а превратились в весьма слабый ветерок.

Внутри звенящим весенним колокольчиком сразу воспарила ликующей радостью душа – либо буран спал, либо...

– Мы спасены, Родя, мы спасены!

Нет, ветер продолжал бушевать кругом, но здесь, именно в этом месте, он значительно терял свою силу. И это могло означать одно – они выбрались к какой-то стене, или дома, или

барака, что прикрыла их. Скорее всего имело место второе, ведь в жилищах есть электричество, а значит, свет, а тут тьма такая стоит, хоть глаза выколи.

Заброшенных барачков и полуразвалившихся ферм в Тункинской степи имелось превеликое множество – с распадом СССР повсеместно развалились и колхозы. За два прошедших десятилетия не то, что брошенные или недостроенные здания, многие жилые дома в живописной горной долине стояли с наглухо заколоченными ставнями.

И ничего было не поделывать с массовым исходом жителей в города, особенно молодежи – работы нет, а из всех развлечений для селян, особенно русских, осталась только водка...

Александр, продолжая крепко держать Родиона, уткнулся в стенку из жердей, прикрытых снежным валом. С таким сооружением он уже познакомился в прежних поездках – скотный сарай, что иногда ставили буряты из подручного материала, соблюдая старинный уклад. Хотя сейчас большинство предпочитало пускать в ход доски.

Но даже вот такое убогое творение человеческих рук сейчас показалось ему сказочным дворцом – внутри можно было пересидеть буран, а значит, спасти жизнь, потому со всей оставшейся силою он рванул повисшее тело парня и пошел вдоль стены, ощупывая ее рукою. Через пару метров под ладонью оказалась пустота, вернее широкий проем – ворот в скотнике либо не было, либо ветром сорвало.

Пасюк протащил Родиона через высокий занос, отплевываясь от снега, словно байкальский тюлень нерпа, и тут же облегченно вздохнул, скинув с плеч и души чудовищно тяжелое ярмо в виде отнюдь не детского и даже не отроческого тела и ответственности за него. Внутри строения было относительно спокойно: можно уже не напрягать последние силы, стараясь устоять от ветра.

Достав из кармана телефон, он, стащив зубами перчатку, включил фонарик, мельком глянув на осветившийся экран – связь так и не появилась, и торопливо огляделся, проводя тонким лучом света и ища более-менее защищенное место.

Такое оказалось в самом дальнем углу строения, за высокой кучей складированного кем-то навоза – то ли овечьего, то ли конского, либо всего вперемешку, тут надо разбираться в скотине. Чего Александр, хоть и не был горожанином балованным, но, понятное дело, в темноте, по одному только запаху, не умел.

Зато он знал, что высушенный навоз хорошо горит и дает немалое тепло. Значит, дело за малым – выломать несколько жердей, нарубить, сложить костер и запалить, благо зажигалка в кармане бекешки имелась, а потом наковырять шашкой естественного топлива из замерзшей кучи и потихоньку подкладывать в пламя, ибо огонь для них сейчас был важен, как никогда, – это жизнь!

Родион Артемов

– Ап-чхи!

Отвратительный запах потянуло в ноздри ядовитой змеею, и Родион чихнул от всей души и очнулся – тело было деревянным, как дите у папы Карло, причем правую нижнюю конечность засунули явно в костер, дабы изготовить чечевичную похлебку.

– И тебе не хворать! – словно со стороны донесся знакомый голос, и ногу перестали терзать болью.

– Ты чего творишь, Саныч? – просипел, шлепая обветренными, потрескавшимися губами, Родион и тут вспомнил все, что с ними приключилось за последние часы.

Он непроизвольно застонал от приступа боли – ступни словно кололи раскаленными иглками.

– Ноги твои кое-как растер, уже думал, что отчищают врачи твои «лапти», как «Настоящему человеку». Оперу такую про него слышал? Гангрена, гангрена, ему отрежут ноги! – жутко

фальшивя, пропел Пасюк, и Родиона скривило – его музыкальный слух выпускника престижной московской Гнесинки такое исполнение прямо-таки коржило, как ржавый лист жести на прохудившейся от дождей и времени крыше.

– Вроде покалывают...

Только сейчас тьма перед глазами чуть-чуть расступилась, и в розоватых отблесках он увидел силуэт приятеля.

– Сапоги свои на тебя надел, паря. Но носки твои сдернул, а то мне свои ноги тоже дороги... – Пасюк закашлялся от дыма, задутого порывом ветра в их сторону, – как память. А ты уж больше «кирзачи» на такие выезды не надевай. Одно дело на Набережной около Царя или у Похабова пофоткаться, а другое... Сам, поди, уж понял! В сугроб засунуть ноги и то теплее будет!

– Ага. Спасибо, – только и нашелся, что сказать в ответ подхорунжий.

В городе унты или теплые сапоги были совсем ни к чему, действительно, казаки приезжали на мероприятия, устраиваемые войском, на своих машинах, многие вообще «по-гражданке», переодеваясь в форму уже на месте. Да и эти самые мероприятия происходили до чрезвычайности редко и нерегулярно. Казаки присутствовали, так, разве что покрасоваться на 9 Мая или на устраиваемых чиновниками псевдонародных гуляниях с привлечением реестровых в качестве колоритного антуража, как в последние разы, что он участвовал: около памятника Александру III на День города, да на открытии памятника основателю Иркутска атаману Похабову.

Понятно, что под цивильное у него имелись теплые спортивные ботинки, но их же не наденешь под шинель с лампасами!

Напрасно тратить деньги на дорогое зимнее обмундирование, одеваемое к тому же пару раз за сезон, без того достающиеся нищему музыканту полулегального стриптиз-бара с превеликими трудами, он не хотел. Это раньше «капуста» текла живым ручейком, но грянул кризис, и большинству завсегдаев стало не до лицезрения женских сисек, а, соответственно, это ударило по карману не только стриптизерш, но и услуги – и его, как музыканта, и Пасюка, что тоже трудился на «горячем производстве» в качестве охранника.

– Спасибо в стакан не набулькаешь! – назидательным тоном произнес Пасюк и цокнул языком – имел такую дурную привычку.

– Так выпили все... – виновато пожал плечами Родион.

Как ни крути, но Пасюк ему ноги спас, иначе бы он их отморозил: перед тем, как «отключиться», уже сам чувствовал, что будто на деревянных чурочках бредет, потому он вздохнул печально и тихо добавил:

– Завтра поутру я тебе в магазине литр лучшей водки куплю, не «паленки»! Обещаю!

«Рубля» полтора выкину... А ведь зарплата у нас только через неделю, в лучшем случае... На что жить буду?! Ладно, как-нибудь перетопчусь, может, кто из клиентов накинет за музыку? В первый раз, что ли? Билеты на обратную дорогу уже взяли, чего жмотиться?! У меня три штуки в сумке, что в машине оставлена, лежат. Ноги важнее!»

– Да брось ты думать – сам без бабосов сижу!

Пасюк словно прочитал его грешные мысли, и в ладонь тут же ткнулась маленькая металлическая емкость. Родион правильно оценил ее вес и сразу поднял к губам – ноздри уловили приятный запах.

– Ты чт-то, – радостно икнул Родион и шмыгнул покрасневшим носом, – свою кедровку взял?

На душе стало радостно – об изделии Пасюка казаки, отведавшие его кедровки, слагали легенды. Вроде нет ничего сложного – всыпать в банку с медицинским спиртом кедровых орехов до краев, добавить пахучих таежных травок, меда и поставить на две недели.

Настойка получалась просто убойной и знаковой, как лейбл уважаемой фирмы – несмотря на лютую крепость, пилаась намного легче водки, да, самое приятственное, утром голова не болела, несмотря на литраж принятого накануне.

Некоторые пытались повторить, благо, автор рецепта не скрывал, но получаемое разительно отличалось от кедровки, и не столько вкусом, сколько мозгодробительными последствиями употребления, видимо Пасюк по своей хохляцкой натуре не договаривал самого важного – способа перегонки или иной очистки спирта.

– На, занюхай, господин подхорунжий! Только занюхай, есть его никак нельзя – он у нас один!

В другую ладонь лег небольшой сухарик, один из тех, что продается в магазинах – желтый, с черными вкраплениями изюма. Родион посмотрел на него и хлопнул себя по лбу.

– Совсем забыл, у меня же плитка шоколада в шинели заныкана. Теперь хорошо посидим – и выпить есть, и закусить...

Помощник командира комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев

– Как буран утихнет, ты, товарищ Ермолаев, возьмешь с собою четырех самых опытных бойцов и проедешь верхами по бурятским зимовникам за Иркут. До Булун-Талая. Посмотришь, что творится, проверишь взвод Архипкина и вернешься сюда. Смотри только внимательно да будь бдителен – казаки могут тебе пакость устроить, такая паршивая погода таки на руку им играет! И помни – именно там вырубили троих наших бойцов.

– Это я на всю жизнь запомнил, – со странной улыбкой на губах отвечал молодой еще, всего лет тридцати с небольшим, красный командир, в накинута на плечи потрепанной шинели. Лишь нездоровый румянец играл на почерневших, ставших еще более скуластыми щеках.

Этой зимой многие красноармейцы его полка обморозились, долог был путь по заснеженным и суровым просторам Сибири, от Омска, что на Иртыше, до самого Байкала.

Но и только – дух их был высок как никогда – три зимних месяца они гнали и громили беляков, взяв в пути многие тысячи пленных. Офицеров или расстреливали сразу, или передавали в ЧК, а бывших нижних чинов ставили в строй. И что характерно – вчерашние солдаты сибирских стрелковых полков Белой армии дрались ничем не хуже, стараясь заслужить себе тем самым полное прощение от Советской власти.

Так что 7 марта их бригада вошла в Иркутск с большей численностью, чем начала свое триумфальное продвижение от Уральских гор. Два полка оставили в городе, для поддержания порядка и как костяк для переформирования бывших колчаковских частей, что восстали против адмирала в декабре, и пропитанных изрядным эсеровским душком.

Их полк был перебросен на охрану железной дороги с ее важнейшими Кругобайкальскими туннелями. На выполнение этой важнейшей задачи выделили два батальона, а третий срочно перебросили на мобилизованных обывательских подводах в Тункинскую долину неделю назад – и это было весьма благоразумно, как показали эти дни.

Оставлять проживавших в ней казаков без надлежащего присмотра было бы невероятной глупостью, чего Советская власть допустить никак не могла. Первым делом местным станичникам предъявили ультиматум – немедленно выставить одну конную сотню на службу в формируемый в Иркутске 1-й Советский казачий полк, иначе же они будут рассматриваться как враги народа. Самая многочисленная станица Тункинская с ее четырехтысячным населением покорность выразила, и позавчера вставшие под красный флаг казаки ушли на Иркутск.

Зато вторая станица, Георгиевская, всего с одной тысячей жителей и центром в Шимках, наотрез отказалась сотрудничать с Советской властью. Казаки во главе с есаулом Шубиным

начисто вырубил пошедший на Туранский караул красноармейский дозор и ушли партизаны в заросшие тайгой горы. И пусть их сейчас в банде немного, но ведь лиха беда начало.

Сейчас здесь, в Шимках, расположился почти весь батальон, а взамен в Тунку из Иркутска прибыло три караульных роты, что стали на постой и в самой станице, и во всех казачьих поселках. Однако надежды на них было мало – бойцы эсеровского Политцентра, в отличие от бывших колчаковцев, жаждой повоевать с казаками отнюдь не горели.

Привычные методы для установления большевистской власти пока еще не срабатывали. Хотя местный ревком удалось организовать, но поддержка от трехтысячного русского крестьянства Тунки оказалась весьма незначительной. Всего четыре десятка бедняков, все переселенцы со столыпинских времен, или «новоселы», как их называли в Сибири, согласились взять в руки винтовки и вступить в милицию.

Остальные селяне, в основном зажиточные старожилы, замерли в ожидании, и на то имелись причины. Главная из которых была здесь, в Шимках, – если атаману Шубину удастся втянуть в мятеж не только своих, но и тункинских станичников, то подавить восстание будет затруднительно. И на местных крестьян надеяться не стоит – два года тому назад здешними казаками был начисто вырублен большой отряд красногвардейцев, в основном солдат и железнодорожных рабочих из Слюдянки, к которым присоединились несколько десятков местных сторонников Советской власти.

Этот кровавый урок жители долины хорошо усвоили, как и то, что казаки имеют хорошую память. И притаились, настороженно выжидая – кто кого одолеет за Байкалом. Там с началом лета предстояли новые бои, ведь казаки атамана Семенова, поддержанные японцами, крепко держали в своих руках середину Забайкалья.

Теперь положение на тамошнем фронте стало очень напряженным. Белые войска серьезно усилились, получив значительное подкрепление в лице отступивших из Сибири «кап-пелевцев». Последние боеспособные части расстрелянного в Иркутске незадачливого верховного правителя адмирала Колчака сумели опередить чуть ли не на три недели преследующие их по пятам до Красноярска части Красной армии и перебраться через Байкал по льду...

Глава вторая. Александр Пасюк

– Два часа ночи! Слышь, Родя? – задумчиво изрек Александр, потянувшись и глядя на циферблат своих «командирских» часов, хотя вся его служба в армии уложилась в пять месяцев – от призывного пункта в Гончарово до выхода на костылях из госпиталя. Всего восемь дней КМБ в «учебке», даже присягу принять не успел и все, финита ля комедия – падение с турника, открытый перелом ноги и жуткая боль.

«Белый» билет сунули в зубы еще в госпитале – гуляй, солдатик, на «гражданке». Как ни крути, но от военной службы он не «слинял», как некоторые, даже показывать пальцем не нужно: молодой друг Родя, что сидит сейчас с ним рядом, «откосил» знатно, папа с мамой подсустились, насмерть перепугавшись для единственного сына ужасной «дедовщины».

Хотя какая там для парня была бы воинская служба, с его талантами? Это тебе не в инфантерии грязь на пузе месить или в горах Чечни под пули ходить, а непыльная и здоровая срочная в военном оркестре. Но ведь даже от такой «закошил»!

– Чему улыбаешься, Саньч?

Голос приятеля вывел Пасюка из размышлений, и он ухмыльнулся еще раз. Глаза уже привыкли к полумраку, что царил внутри скотного барака, подсвеченного алыми отблесками костра, в который они регулярно подбрасывали сухие катышки топлива.

– Да так, это я о своем, о девичьем, Родя. Пропустим еще по стаканчику? Наливай, что ли!

И посмотрел с так и не сходящей с губ улыбкой, как Артемов наполнил стаканчик кедровой на два пальца – ровно сорок грамм, а больше и не нужно. Александр выдохнул воздух и лихо опрокинул емкость. Схватил сухарик, вдохнул хлебный запах – сразу полегчало. Жар моментально охватил пищевод, стало тепло и необыкновенно уютно.

И пусть барак выдувало ветром, пусть глаза щипал дым от едкого навоза – но на душе стало благодно. Они выжили в этом ледяном безумии, а это главное!

– В общем, так, Родя! – После того как опрокинул чарку, Пасюк собрался: нужно было согласовать дальнейшие действия на день. – Ты, думаешь, зачем мы сюда приехали?

– Нет, Саньч, эту поездку я на всю жизнь запомню...

– Да я не про то, Родя, не кашляй, – он нетерпеливо перебил Артемова, – завтра коммунаки память своего Каландаришвили чествуют, его как раз 6 марта 22-го года как бешеную собаку шлепнули, вон, в Кырене и бюст стоит...

– Ага, – Родион кивнул, – видал, видал! Улица есть еще в центре Иркутска!

– Еще бы! – Пасюк зло сплюнул под ноги. – Именами этой коммунарской сволоты много улиц названо, вон, один наш район, чего стоит! Каждый раз, когда проезжаю мимо дюралевой морды Янкеля, присобаченной к стеле на въезде в Свердловский район, аж мутит! Союза нет давно, а названия до сих пор остались!

– Ну, ты загнул! – Родион присвистнул. – Это ж сколько денег и времени нужно, чтобы все переименовать назад! Да и зачем? Люди уже привыкли: Первая Советская, Вторая Советская улицы, Карла Маркса, там или еще какая... Не надо это людям, я так думаю! Нужно понимать, что красные не такие уж и плохие люди, террор был с обеих сторон! Нужно примириться, простить друг друга! А вся эта возня с переделом прошлого ни к чему, жить нужно будущим...

– Слышь, ты, казачок засланный, – Пасюк недобро прищурился, – а ты, часом, не ошибся, когда в Управу станичную пришел? Тебе с такими рассуждениями нужно было в либерасты с дерьмократами подаваться, а не в казаки верстаться! Казакам лампасы и погоны живьем резали, казачат с бабами живьем в сараях жгли, под лед пускали, тот же Каландаришвили, тварь! Не будет им от казаков ни прощения, ни примирения с ними! Белые тоже хороши, но Директиву о расказачивании с поголовным истреблением от мала до велика Свердлов подписал первым! Строить твое светлое будущее на том, что мы сейчас имеем, все равно что фун-

дамент под небоскреб на болоте ставить – утопнет все в жиже и булькнуть не успеет! А-а... – Он устало махнул рукой и опустил голову.

Родион Артемов

- Ну, Саныч, ты чего? – Родион потряс его за плечо. – Обиделся, что ли?
- Чего я, девка красная, чтобы наутро обижаться? – Пасюк дернул плечом, отстраняясь. – Обидно! Двадцать лет вон с гаком возрождаем казачество, а все как лягушки бултыхаемся в чане... Если бы со сливками! С дерьмом!
- Тебе ли на казачество жаловаться! – Родион удивленно поднял брови. – Вон, уже подъесаул, атаман станичный...
- Ага, – Пасюк скривился, словно лимон съел, – атаман казачий, хрен собачий... Сколько казаков-то в станице моей? Сам сосчитаешь али пособить?
- Ну, – Артемов замылся, – ты, я и...
- То-то! Двое нас, ты да я да мы с тобой! И все казачество сегодня такое, как твои сапоги кирзовые: издали вроде блестят, начищенные, а фуфло фуфлом – и ногу натрут, стоит версту отмахать пёхом, и замерзнешь, потому как рыбий мех внутри!
- И то верно! – Родион зябко повел плечами, вспоминая, как прыгал вчера на морозе, звеня коленками. – А чего ж ты тогда казакуешь, раз все так хреново?
- А то! Не твоего ума дело! – Пасюк засопел, выражая, таким образом, Родион уже знал по опыту общения с ним, свое недовольство. – Ты чего, дурында, вчера так ничего и не понял, зачем мы сюда приехали?
- Не так чтобы уж... – Родион шмыгнул носом и почесал пятерней затылок, как нерадивый студент на экзамене перед въедливым профессором. – Вроде как казаки поехали на выборы местных агитировать... За этого, как его, забыл... Наша делегация...
- Твоя делегация еще по дороге нажралась, ни тяти, ни мамы! Посидели в зале для вида, денежки отработали натурой, вот и вся агитация! Я тебя зачем с собой вчера вечером на Аршан потащил?
- Так за водкой... – протянул неуверенно Родион. – Там туристы, там и водяра поприличней...
- Я о другом тебе говорю! – Пасюк хитро прищурился. – Завтра... То есть сегодня уже, местные коммуняки митинг проводить будут в память Каландаришвили. Вот тункинские станичники и решили им здорово подкузьмить, дерьма в их бочку меда, так сказать, подложить...
- Так нас всего двое, Саныч...
- А более и не нужно, Родя! Здесь местный атаман свою скрипку играть будет, а мы так, на подпевке поприсутствуем, подсобим, если чего надобно будет...
- С чего это он командовать будет?! – вполне искренне возмутился Родион. – Ты у нас целый подъесаул, а он всего урядник, с тремя лычками на погонах. Я и то подхорунжий!
- Ты уж только не рвись, а то пополам треснешь! Куда конь с копытом, туда и рак с клешней!
- Ты чё?! – мгновенно ощерился Артемов, но Пасюк устало вздохнул.
- Ничё! Через плечо да по лбу! Развелось командиров, что блох на шавке! Куда ни плюнь, атаман на атамане и атаманом погоняет! Паны лаются, а у холопов чубы трещат.
- Ты о чем? – Родион замотал непонимающе головой. – Какие паны?
- Такие! Что наш, Шохин, что Сивоконь! Тянут казаков на себя, как лебедь, рак и шука, а тянуть-то некого! Полный швах! Сплошные потемкинские деревни: мертвых душ позаписали для количества, а реального народа нет! Пшик!
- Выдохнувшись, Пасюк зло уставился на огонь и надолго замолчал. Думал о чем-то, играя желваками и сжимая кулаки. Родион осторожно шевелил палочкой угли и подбрасывал кизяки.

– Саныч! – Он позвал Пасюка через некоторое время. – Ну чё ты? Нам-то это зачем? Ну и пусть они меж собой разбираются! Не пойму, чего ты взъелся?

– Обидно! Я в казачество пришел двадцать лет назад... – Александр невидящим взглядом смотрел перед собой, машинально теребя темляк шашки, – полжизни, понимаешь... – он вскинулся, – полжизни прошло, а все как один день! Помню, в десятом классе я учился, когда услышал, что отец с мужиками на кухне тишком обсуждали, как иркутские казаки, пятеро, погибли в Приднестровье! Я тогда еще удивился, откуда в Иркутске казаки? Ведь они там, – он неопределенно махнул рукой, – на Дону, на Кубани... А тут... Спросил еще я батю тогда, чего это за казаки такие, старики, что ли? Ведь Гражданская война давно прошла, а казаки только там и были, «Тихий Дон» да «Даурию» все читали! Он посмеялся надо мной, взъерошил волосы, прижал к себе крепко и говорит тихо так, а глаза улыбаются: «А ты сам-то кто?» Я говорю: «Русский я, кто ж еще?» – «Нет, – говорит, – казак ты, с той самой Кубани мы и есть!» Погрустнел потом, говорит: «Многие сейчас свои корни забыли! Словно мусор из ведра в воду высыпали: плывем по течению, да крутит нас на быстринах... Крутить-то крутит да, как исстари, к разным берегам прибывает...» Я рот-то раскрыл, чтобы спросить, почему да что же это за казаки такие были, что так быстро все забыли, а батя вздохнул: «Времена тогда такие были! Очень сильно повыбили казаков, многие и решили хоть жизнь свою спасти ради детей! Лютая бойня казакам была устроена, поголовно, подчистую пытались уничтожить, станицы сжигали, а землю солью посыпали, вот как боялись... Только всех-то, понятное дело, не смогли достать, вроде как дерево сухое, а полей его доброй водицей, веточки новые и появятся! Так и казаки!»

– Да! – Родион вздохнул со вселенским отчаянием. – Тебе легко, ты, вон, родовой, даже фотографии у тебя сохранились... А я? Папа-мама – интеллигенты в третьем поколении, музыканты... Какой из меня казак? Не получится у меня, наверное...

– Ха! – Пасюк захохотал так громко, что закашлялся. – Ты что, думаешь, казака делают фотографии? Ну, ты дал! – Он утер выступившие в уголках глаз слезинки. – Мы же не собаки какие, чтобы по родословной меряться, у кого больше! Конечно, к тем, которые родовые, доверия больше, кровь-то, она не водица... Только, знаешь такую пословицу: «Казакom мало родиться, казакom надо стать!»

Помощник командира комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев

– Ты только внимателен будь, товарищ Ермолаев. Сам знаешь, местным казакам доверять нельзя – они на нас лютыми зверьми смотрят. И без нужды не стреляй – незачем их раньше времени злить, пока Семенов Забайкалье держит. Мы им попозже все припомним, как только наша Советская власть везде крепкой станет. Ну, давай, поспи немного. А с утра выезжай, как только буран утихнет и небо сереть начнет. По холодку, может, кого-нибудь да изловишь! Вот тогда мы таких научим блюсти комендантский час!

Чекист с голодным и остроносым, словно у крысы лицом, поднялся и вышел из горницы, что занимал конный взвод Ермолаева, стеснив хозяев, богатеев, родичей мятежного атамана.

Так повелось, и этой практике были рады все бойцы – на постоях стеснять только местных буржуев, чтоб к Советской власти уважение разом почувствовали. И пригляд за этой тайной конторой держать легче, если что худое замыслят.

Но то сейчас вряд ли – местных казаков, что смогут припрятанное оружие в руки взять, едва полторы сотни наберется, от малолеток до стариков. Ну еще в двух поселках с полсотни тех, кто драться способен – слишком мало, чтобы смять три сотни закаленных в боях красноармейцев с пятью пулеметами.

Да и повода для выступления у казаков пока нет – Советская власть учла урок кровавого «вешенского восстания», что преподали ей в прошлом году донцы. Потому насильственного «расказачивания» решено было не проводить, как и расстрелы, реквизиции не делать, а всех подозрительных, так же как и непримиримых врагов, увозить в Иркутск в губчека.

У Шубина в банде едва два десятка казаков, повязанных кровью, а потому пощадить не ждущих. Мало их для серьезного нападения, но враг опытный и умелый. К тому же все на конях, да еще с заводными – как их поймаешь с одним только кавалерийским взводом. Стрелки батальона на подводах только и могут ездить, в седла мужиков лучше не садить – как собаки на заборе держаться будут, одни мучения.

А против них кто воюет?!

Казачки, что с детства на коне сидят, каждую тропинку в здешних горах и тайге знают. Да еще звери они лютые, прямо слово, недаром атамана уже «тункинским волком» называть стали!

Пахом неторопливо извлек из кармана штанов здоровенную «луковицу» часов, откинул крышку – стрелки застыли на двенадцати. Полночь, наступил новый день. И новые заботы...

Командир усмехнулся – куда без этого!

А глаза еще раз прочитали замысловатую вязь гравированных слов – «Ефрейтору Мариупольского гусарского полка Пахомию Ермолаеву за спасение офицера. Март 1915 г.».

И он вздохнул – как давно это было, будто вечность прошла. Но тут же вытравил из головы ненужные мысли, и улегся на широкую лавку, накрывшись длиннополой кавалерийской шинелью. Завтра ему предстоит отмахать двадцать верст пути, да еще проверить все бурятские зимники.

– Спать, – отдал он сам себе команду и закрыл глаза.

Глава третья. Александр Пасюк

– Да, подвел ты меня, Родя! – Пасюк покачал головой. – Видал атамана местного, того самого, урядник который? Это ему я книги вез, которые ты, бестолочь, потерял!

– Ну, ни фиги себе ты наехал! Как бульдозер! – Родион аж задохнулся от обиды.

– Пожалел книжки в пакете, сами чуть не потерялись! Сейчас рассветет, пойдем искать...

Ладно, – он осекся под хмурым взглядом Пасюка, – ладно! Сам потерял, сам и найду! Пакет все равно приметный, красный, не могло его полностью замести...

– Вот и я о том же! – Пасюк одобрительно закивал. – Обещал привезти книги, значит, хоть в лепешку разбейся, но слово сдержи!

– Ага! – поддакнул Родион. – За базар перед братвой отвечать надо!

– Ну что же ты за бестолочь такая! – Пасюк засопел, не предвещая этим ничего хорошего, а Родион машинально втянул голову в плечи, готовясь к буре.

– Казан проверяют по звону, казака – по слову! Мудрость казачья, разумеешь? А ты – базар, братва... Бестолочь, ей-богу! Наблатыкался, паря, ты в кабаке! Вон, лабаешь все ночи напролет! Нет у нас, казаков, базара! Ну, нет! Не братва мы, не гопота сыкливая, не шелупонь помоечная какая-нибудь, чтобы на блатном лаяться! Хотя, – Пасюк поморщился, – дерьма среди казаков теперь изрядно наберется! Такое порой слышишь, что русские народные маты кренделями покажутся... Не срами мамочку и папочку – интеллигентов в третьем поколении! В общем так, господин подхорунжий, еще раз услышу подобное – настучу по морде! Понял?!

– Понял, – уныло протянул Родион, но Пасюк никак не мог угомониться.

– И, вообще, опять ты хрень свою читаешь? Думаешь, я не видел, как в автобусе ты в журнал спрятал свою газетенку для озабоченных и всю дорогу пялился на девок?

– Откуда ты узнал?

– Оттуда! – Пасюк постучал себя в лоб. – Ты бы хоть журнал перевернул, а то с умным видом полдороги читал компьютерный журнал вверх ногами! Ты бы книжечки умные лучше по истории казачества вместо порнухи изучал бы! Тьфу!

Пасюк в сердцах сплюнул.

– Тебе что, на работе задниц голых не хватает?

– А на кой мне эта история казачества? – Родион пожал плечами. – Нет сейчас свободного времени, вот разберусь с делами маленько и почитаю...

– Дурак ты и есть! – Пасюк махнул на него рукой. – На баб голых время есть, а как ума понабраться – нет!

– А ты – слишком умный! – огрызнулся Родион.

– Да! Умный, в отличие от тебя я много читал и о казачестве, и об истории Гражданской войны! Вот и умным людям вез умные книги, а ты их проср... – он осекся, – потерял, в общем!

– Шибко тебе эта история пригодилась! – пробурчал Родион и, видя, что Пасюк закипает не на шутку, быстро перевел разговор в другое русло. – А зачем местным они, книги эти?

– Юрка, атаман тункинский, хочет с местными казаками музей в Тунке казачий открывать да библиотеку историческую потихоньку собрать!

– А музей-то зачем? – Родион хмыкнул. – Ты, думаешь, кто-нибудь из туристов в него пойдет? Сомневаюсь! На Аршан зачем едут? Водки на природе попить, да и только!

– При чем здесь туристы? – Пасюк пожал плечами. – Ты так ничего и не понял? Для местных это музей! Буряты слишком недовольны – притесняют их приезжие москали на родной земле! Вон, раньше, казаки как взяли бурят тункинских под свою руку, так и жили они веками, как сыр в масле катались, пока красноперые власть свою людоедскую не установили! Пора возрождать, – он хмыкнул, – «дружбу народов», а то передают тут всех по одному, как

клопов, пискнуть не успеют! А ежели буряты с казаками объединятся, то никто их с места не сдвинет! По крупице и начинают, вон как Юрка Ус...

– И чего им бояться? – Артемов недоуменно пожал плечами. – Кому они нужны в Тунке этой?

– Мировому империализму вкуче с врагами всех мастей, от чекистов до масонов! – Пасюк развел руками. – И никак иначе! Ты же слышал, как Сивоконь, иркутский атаман Союза казаков, брехал про наш реестр третьего дни в своей газетке, что в Управе валяется? Он все врагов ищет, как шавка блох! Только у собаки блохи настоящие водятся, а этот все ищет да ищет, двадцать лет, уж почитай! Особенно любит поносить на тех, кто от него и ушел из-за его же самодурства: вот, мол, я сразу разглядел в них врагов казачества, я все вижу, все... Словно комиссар с трибуны о вредителях и агентах МОССАДа, засланных на погибель казачества, на всех углах горланит...

– Да! В сортире нашел...

– То-то! – Пасюк хохотнул. – Правильное этой газетенке место и определили: и в... хм, самом процессе для облегчения поможет, и опосля сгодится!

– Вот-вот! – Родион закивал. – Читал я его писанину – помои изрядные! Не стесняется он в выражениях! Наш, Шохин, посолиднее, с портфелем ходит...

– Так и есть, в штиблетах и галстучке! – Пасюк, зевнув, почесал щеку. – Два сапога пара – один брешет как сивый мерин, второй, бывший замполит, штаны просиживает в администрациях! К ряженому казачеству добавилось табуреточное!

– А Юрка местный?

– Это мне он Юрка, а тебе – Юрий Васильевич! Они делом заняты! Они, вон, погоны офицерские поскидывали – казаки они рядовые все теперь, нечего скоморошьими звездами светить! Жены с ними заодно – не с голыми пупами и торчащими из-под джинсов труселями, а в парочках, костюмах женских казачьих ходят! И не только на люди, как мы, словно ролевики-хоббиты какие-нибудь... И детишки казачатами себя считают! Ладно, – он похлопал Родиона по плечу, – чего я как лошадиный барышник тебе их нахваливаю? Сам поглядишь, как доберемся до них! Накормят, напоят и спать уложат!

– Да! – протянул Родион, поскребя себя по подбородку. – Пожрать бы не мешало! А, Саньч?

– Пожрешь, не боись! – Пасюк почесал бороду. – Да помыться и побриться кой-кому, а то на тебя смотреть тошно!

– Чего так? – Родион потер глаза и скривил губы. – Сам-то поди не чище меня?

– Да я о другом толкую тебе, – Пасюк поморщился. – Твоя козлячья щетина проплешинами сияет, словно ты еще из пубертатного периода не вышел! Фу, срамота для казака! Или начисто брейся, или бороду отпускаяй, но не так: Тимати местного розлива!

– Станок одноразовый куплю и сразу побреюсь! – недовольно пробурчал Родион. – Не так же, как ты: отрастил бородищу! В попы, что ли, собрался?

– А хоть бы и в попы! – съязвил Пасюк. – А борода завсегда у казака должна быть! Или хотя бы усы! Хотя, – он отмахнулся, – казаки нынче не те: берут кого ни попадя прямо с улицы! А они не знают ничего, не ведают ни традиций, ни уклада жизни казачьей! Да и казачество воспринимают как работу, в лучшем случае! А казачеством жить надо, гореть за него! Некогда нам на глупости время тратить! Вон, в Тунке люди спиваются, в город уезжают! Видел, дома стоят заколоченные? Еще немного, и здесь гастарбайтеров больше, чем бурят, будет! Нужно за людей бороться! Самые главные наши враги – это мы сами: лень-матушка и надежда на батьку-атамана, который поведет за собой!

Родион слушал его внимательно, растянувшись на груди кизяка. Огонь в небольшом костре горел ярко, бросая красные отблески на стены. И ему думалось, что именно сейчас он начнет жить настоящей казачьей жизнью, выжив в поединке со смертью в суровом походе.

– Вон Усольцов, даром что атаманом его избрали, так же, как и все, пашет: скотина, хозяйство крепкое, – Пасюк рубил ладонью в такт словам, – не асфальтные казаки они, как наши! Не пьют, как многие! Они во главу угла казачий уклад ставят, а потому станичников дворами считают. Да, дворами, с женами и детишками, ибо без поддержки семьи все наши дела помойному коту под хвост!

– Эх! – Родион отвлекся на мгновение, представив молоденькую казачку, подносившую ему крынку молока с еще теплым, парящим хлебом, непременно босиком и в сарафане, и мечтательно протянул: – Да! Найти бы и мне здесь себе невесту! Бар я бы бросил сразу же! Детишек бы нарожал! Коровок бы развел...

– Хорош жених! Нужен ты им, дармоед! – Пасюк скривился. – Ты же тяжелее своей гармошки ничего в руках не держал! А ручками своими белыми дерьмо, поди, впервые сегодня потрогал?

Родион отдернул руку, словно обжегшись, от кучи навоза, на которую опирался.

– Ну чего ты? Я же не гламурь какая-нибудь! И гармошка моя тоже пригодится: буду играть на ней, а работать я могу, если захочу! Вообще, спасибо тебе, Саньч, глаза мне открыл! Посмотрю хоть на настоящих казаков! Может, и у меня чего-нибудь получится? – Родион приподнялся на локтях. – Музей-то меня пустят хоть посмотреть?

– Ага! И тапочки тебе, как в Эрмитаже, выдадут, – сварливо огрызнулся Пасюк, и Родиона пробрало столь резкое заявление приятеля прямо до пяток, так что он даже присел на куче мягкого, прогретого его телом, навоза, – чтобы мрамор не поширкал! Да и не музей у них, – он вздохнул, – громко слишком, так, в местной школьной библиотеке шкаф стеклянный с тремя полками! Но даже если хоть в одном кровь всколыхнется, и то польза будет! Это же книги по истории казачества Тунки, там же обо всех их родичах сказано, фамилии-то какие: Шубины, Лифантьевы, Зверевы, Усольцевы, Тюменцевы – все они до сих пор тут живут, только не помнят, что они – казаки. Все, все там написано... А ты даже не полистал их... Форму да лампасы мало надеть, шашку привесить да погончики офицерские нацепить недолго! Я крепко после батиных слов задумался: и правда, я – казак! Сразу представил: огромные, сильные, бородатые, с пиками да шашками, Степан Разин, Пугачев, Тарас Бульба... Только Сивоконь атаманить начал, видный такой, слова красивые говорил...

– Так сколько лет-то прошло? – брови Артемова удивленно поползли наверх. – Его еще тогда выдвинули в атаманы?

– В 1991 году и выдвинули, аж до сих пор задвинуть не могут! Бессменный он, как член Политбюро! На лафете из Управы ихней, небось, вывезут ногами вперед! А, может, замаринуют, как Ленина, чтобы он и опосля руководил! Так вот, пойдем, говорю, батя, к атаману записываться, мы ж – казаки! Времена теперь другие, никто нас не боится, наоборот, власти помогать будут! Служить России будем, как наши прадеды служили! Землю пахать будем...

– И пошли? – Родион улегся обратно на кучу сухого дерьма.

– Ага! Побежали! Посмеялся батя надо мной: «Давай, поспедай, – говорит, – всех запишут, а тебе места не останется! Еще мешок побольше возьми, из-под картошки!»

– А зачем мешок? – Родион захлопал глазами.

– Земли тебе дадут пахать да сеять, чтоб по дороге не рассыпал! – Пасюк хмыкнул, но без смешка. – Можя, место в мешке еще под службу казачью останется...

Родион Артемов

– Почему?

– Чего почему?

– Почему так сложно казакам в России?

– Ты чего? Вроде не бредишь! – Пасюк дотронулся до лба Артемова, словно проверяя, нет ли у него жара. – Кедровка в голову ударила или ты проникся думами глобальными о судьбе казачества? Тогда тебе прямая дорога в стойло к Сивоконю...

– Почему в стойло?

– Во-первых, не перебивай старших по...

– Возрасту?

– Хм!

– Молчу-молчу! – Родион виновато потупился.

– По званию! Так вот, во-вторых, это же его вселенское призвание о глобальных судьбах казачества думать и своим баранам вещать, что в стойлах при нем стоят! Мемекают и то по команде, и внимают с благоговением речам своего атамана! Хотя, – Пасюк прищурился, – они тебя не возьмут!

– Это почему же то?

– Потому как гешефта с тебя никакого, гол как сокол, а холуев-подхалимов у него и без тебя хватает!

– А я и не собирался! – Родион гордо вздернул подбородок. – Вон в Тунке казаки сами возрождают казачество, так и в Иркутске найдутся такие же, настоящие! Ты щедро, Саньч, всех черной краской измазал, но есть же нормальные? Есть? К ним и пойду!

– Нормальные есть, и их много! Ага! – Пасюк прыснул. – Тебя им и не хватает! Уже каравай, хлеб-соль, для тебя испекли! К нам приехал, к нам приехал, Родион Эдуардович, дорогой!

– Смешно? – Родион надулся.

– Грустно, Родя! Плакать хочется, аж скулы сводит! – Пасюк посерьезнел, глубокая складка пролегла на лбу. – Ты, думаешь, я сам бы к таким не пошел? А только идти некуда, заплутали мы меж трех сосен... Только за двадцать лет нет веры никому, устали мы, затюкали нас, по крышку сыты атаманщиной! И я, и остальные болтаемся, вон, как сам знаешь что, столько лет! И не я один так думаю, только вслух никто не говорит...

Пасюк лихо махнул остатний глоток кедровки из фляжки и завинтил ее, закусив «курятиной» в три приема, раскурив сигарету дрожащими от волнения руками. Сухарь и шоколадка давно были уже по-братски поделены и съедены. Затем продолжил говорить дальше, удивляясь тому, как язык выбалтывает то, что он так старательно хранил в себе все эти годы.

– Так кто мешает-то? Вот ты говоришь: там клоуны, здесь ряженые, тут болтуны... Взяли бы да и собрались, чтоб возрождать казачество! Станицы строить! Землю пахать!

Родиону никогда еще не было так скверно. На Пасюка он не обижался, несмотря на бурлящий в мозгу и теле хмель. Тот не бросил его, доволлок до спасительного убежища, не оставил в степи умирать. Настоящий казак!

Он отдавал себе отчет, что пришел в казачество от безысходности – посмотрел, как гуляют «новые русские», и решил найти тех, кому дорога судьба Отечества. В казаки пошел, если даже Лев Толстой говорил, что история России сделана их саблями. А тут целый атаман станицы в стриптиз-баре рядышком охранником работает.

– Да нечего возрождать! Нужно заново уклад создавать! Не те условия сейчас, чтобы станицы, поля, тучные стада! Не даст нам государство ничего, так, фантик пустой и даже не блестящий! Ты чего, один такой умный выискался, знаешь что делать? Давно уже перебродило все, и задор, и энергия, и честолюбивые помыслы, как брага, перебродило все, только сивушная мерзость на душе осталась... – Пасюк угрюмо засопел. – Поначалу, в девяностые, и запал у людей был, и губернаторы с мэрами давали землю, деревни брошенные – живите, казаки!

– И что?

– И ничего! Единицы пошли на это: кому ж охота теплую квартиру с работой менять на тяжелый сельский труд? Так что, землю распродали, деньги растащили, казаков обманули... –

голос Пасюка становился все тише. – Понимаешь, самое горькое то, что обманули ладно бы власти, свои же, атаманы!

Пасюк молчал и молчал, уткнувшись подбородком в колени и выкатывая и закатывая палочкой в костер обуглившиеся катыши кизяка. Родион потихоньку начинал дремать: сказывались и усталость, и выпитая на практически пустой желудок настойка, что мягким покрывалом укутывала сознание.

– Жалко! – Он зевнул, потягиваясь и устраиваясь поудобнее. – Не понимаю я наше государство: такая сила в казаках – это тебе не солдатики зеленые, это мужики...

– Ну-ну! Скажи еще казакам, что они – мужики: враз по сопатке получишь! – ответил Пасюк, не поворачиваясь от костра. – И насчет солдатиков зеленых особо в станице не разглажь! Сам-то не служил, а солдатики эти, к которым ты так презрительно относишься, даром что молодые были, и повоевали, и послужили – не чета тебе, ущербному! А у нас многие армию прошли, так что помалкивай ты со своими умозаключениями, а то ляпнешь – век не отмоешься перед казаками потом! Это там, – он ткнул пальцем в грязный низкий потолок сарая, – рыжий клоун сменяет черного, а на земле нормальные казаки, бравые, только мы еще терпим, терпелка у нас, понимаешь ли, огромная, типа, долго запрягает и быстро едет... А надоест – держитесь, мало не покажется! – Александр погрозил кулаком в пустоту. – Не выгодно только государству, чтобы казаки на ноги поднялись... Это же такая сила! И здесь ты прав на все сто! Казаки всегда были стеновым хребтом народа – соль земли Русской!

– Так интеллигенция вроде ближе к народу? – неуверенно протянул Родион.

– Интеллигенция – говно русского народа! Еще Ленин, мразь этакая, так сказал, – отрезал Пасюк, резко обернувшись. – Как бы я ни относился к чучелу на Красной площади, но это он верно подметил! Говно, брехливое, позорное, трусливое дерьмо! Профукали Россию, ораторствуя на баррикадах, что в семнадцатом, что в девяносто первом!

– Да! – Родион, вздыхая, покачал головой. – Вон депутаты, говорят, говорят, а толку мало!

– Депутаты, чиновники – это к тому же ворье и взяточники, разве что кто по мелочи тащит, а кто миллиардами! И наши, реестровые, атаманы тоже сидят на жалованье, чиновники золотопогонные, пият бабло, те жалкие объедки, что на казачество от щедроты душевной властей наших перепадает, и за портфельчики, как ты сказал, зубами крепко держатся!

Пасюк разошелся не на шутку, кулаки сжимались до хруста, а зубы скрипели.

– Медальки из золота самоварного, поблескучее, друг другу вешают! Да ну их! – Он в сердцах махнул рукой. – Они отдельно от нас, рядовых казаков, живут, Бог им судья! Вот еще, – он снова заговорил с нажимом, – наприисваивали друг другу званий! И те и другие хороши: и реестровые, что под дудку государеву пляшут, и общественники из Союза казаков! У меня односум у Сивоконя обретается, все никак не хочет уходить, надеется, что там у них еще изменится все... В общем, говорил он мне как-то, что Сивоконь назначил казака одного завхозом в Управу и тут же звание новое накиннул: стал тот казак теперь подхорунжим! Завхоз! Лейбунитазной сотни подхорунжий! Бабы в погонах щеголяют! Тьфу, мать их за ногу! Чего потом на Совете стариков, что всегда у казаков в почете и уважении был, заседать будут? Как к ним обращаться? Здорово дневали, господа старики и госпожи старухи?

Родион, представив это занятное зрелище, ухмыльнулся, но Пасюк, хмурее тучи, продолжил говорить, и всю веселость смыло, словно сливную ручку на бачке дернули.

– Только ты, Родя, не вздумай это никому брякнуть – тебя мигом затопчут! Да и меня с тобой тоже! Ибо за свои чины и медали они нам глотки вырвут, сапогами задавят и мыть их не будут. Самозванцам правда никогда по вкусу не приходит!

Он огорченно взмахнул рукою, уселся на кучу кизяка, отвернулся и затих. Родион же только тяжело вздохнул – только сейчас он понял, куда по собственной воле залез...

Помощник командира комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев

– В общем так, товарищи бойцы, слушайте меня внимательно, – Ермолаев чуть привстал, уперев носки сапог в стремя и строгим взглядом посмотрел на своих красноармейцев – лица у парней были злые, кому ж понравится ни свет ни заря в поход отправляться, – идем рысью за Иркут, по пути внимательно осматриваем все бурятские скотники. Ежели там кто другой будет, а не местные инородцы, то таких задерживаем, и доставляем сюда в Особый отдел для выяснения личности. Все понятно?!

– Так точно, товарищ помкомвзвода!

Лениво так ответили, но дружно. Бойцы надежные, опытные – прошли с ним весь путь от Урала до Байкала. «Комендачи», в отличие от простых красноармейцев стрелковых рот одеты были прилично – в длиннополые кавалерийские шинели, но не с красными, а синими «разговорами» на груди, и с такими же большими звездами на суконных шлемах, названных «богатырками», чай ведь не пехота сиволапая, а конница.

Укороченные винтовки за спиной, у кое-кого даже редкие в армии карабины, поперек груди набитые патронами тяжелые патронташи, слева у всех на ремне «драгунские» шашки в ножнах, в гнезда которых были вставлены штыки.

Хорошо снаряжены и, главное, умеют оружием своим пользоваться – три года мировой войны, а затем гражданская выучила всех отлично, потому что живы и здоровы, а трупы их недавних врагов по сибирскому походу метель давно замела снежком.

– А ежели кто сопротивляться супротив нас станет, товарищ помкомвзвода?

Ларионов, как всегда, не удержался – смешливый боец, умеет разрядить обстановку. И ведь прекрасно помнит, что Шубин с бандою ушел в Монголию, там у него несколько заимок имеется. Но потому сейчас задал вопрос с самым глупым видом, как бы от незнания раскрыв рот.

– Закрой пасть, ветер продует, товарищ боец!

Нарочито угрюмым голосом бросил ему Ермолаев в ответ, удерживаясь от смеха, и пояснил серьезнее, так чтобы все прониклись поставленной задачей:

– Во всех казачьих селениях расквартированы наши красноармейцы. И казаки потому притихли. Но ненадолго. Вот у инородцев, бурят местных, пользуясь их темнотою, они уже начали шебуршиться. Могут своих соглядатаев направить, тункинских станичников на восстание, кровь из носа, подбить им нужно. Так что всех задерживать надо. И учитывайте, ребята, – местная казачья с бурятами на сто рядов переродилась, лицами схожи, а потому халаты с малахаями запросто надевают.

– Да уж понятно, товарищ помкомвзвода, что не в погонах, да с шашками расхаживать будут, неконченые же они идиоты, – Ларионов говорил уже серьезно, все бойцы, как надо, «прониклись» полученным заданием.

– Если такие «золотопогонники» с превеликого дурика появятся, сбежав из Иркутска, а более неоткуда сюда идти, – усмехнулся Ермолаев и неожиданно резко произнес, словно вбивая гвоздь. – Брать их обязательно живьем, даже не смейте ранить, ибо особисты с вас шкуру распустят на ленточки. Да и я выдам такому по первое число, мигом в пехоту определю, на своих двоих ходить будете до конца службы! Понятно?!

– Так точно, товарищ помкомвзвода!

– Тогда выступаем, товарищи бойцы! За мной, рысью, марш-марш!

Ермолаев дал шенкелей своей кобыле, и та бодро зарысила по широкой станичной улице, пустынной в этот предрассветный час, но отнюдь не тихой.

Пурга продолжала злобно реветь, но уже намного тише. Этого хватило всем за глаза, чтобы понять – последние дни марта в здешних горах далеко не весна, и уходящая зима, на последнем издыхании, но все же старается показать напоследок людям и домашней скотине свою немалую лютую силу.

В такую погоду даже зловредный хозяин не то что овец, собаку из будки не выгонит – начавшийся вечером буран был страшен. Таких свирепых не то что бойцы, но даже хозяин, матерый старик, припомнить не смог, пробурчав, что тридцать лет назад у бурят за три дня весь скот в степи полег. Но тогда пурга послабее была, а тут такое...

Ставни в больших добротных домах были закрыты, но он прямо всей спиной ощущал десятки настороженных глаз местных казаков, что не могли не подглядывать в узкие щели за его маленьким отрядом, сжимая свои кулаки в бессильной злобе...

Глава четвертая. Родион Артемов

Что-то или кто-то сильно дернул его за руку, чуть ли не вывернув запястье. Очнувшись, Родион боязливо огляделся и не увидел никого: снежный буран заметал все вокруг, стирая и без того почти невидимые границы между небом и землей. Он попытался встать, стряхивая с себя уже изрядно наметенный сугроб.

Обжигающими струйками тающий снег стекал по щекам и спине, отрезвляя и возвращая к действительности. Чувствуя, что от страха начинает поскуливать, парень попытался крикнуть, позвать на помощь. Однако порывы ветра не давали ему возможности открыть рот, не позволяли выдать из себя хоть звук.

«Мамочка милая! Где я? Что это за место? Где же Саныч? Я что, потерялся?»

Мысли, подстегиваемые ледяным крошевом, забивающим нос, рос, глаза, неслись шальным табуном.

«Чего это? Мы же в тепле были... Мы же вышли к людям...»

Машинально сжав кулаки, Родион почувствовал в ладони задубевший, почти ледяной ремень, которым они с Пасюком связали себя, чтобы не потеряться в буране.

Подняв его к глазам, он увидел, что на конце портупей, едва заметные, дотлевают маленькие искорки. Едва уже ощутимый, сносимый ветром, еле еще улавливался неприятный запах паленой кожи.

«Где Саныч? Что же это, а? Mamочка!»

Охваченный ужасом, Родион принялся с остервенением сдергивать с руки остатки затянутого на запястье ремня, но промерзшая кожа словно окаменела.

«Господи, спаси меня! Господи! Что угодно для тебя сделаю! Свечки буду ставить каждый день! Самые большие, обещаю! Крещусь пойду, только помоги!»

Он лихорадочно пытался вспомнить какую-нибудь молитву, но в голове была звенящая пустота.

«Может, я уже умер? Может, я на том свете?»

Раздавшийся внезапно волчий вой появился, казалось, со всех сторон одновременно, перекрывая собой рев и мощь бурана и усиливаясь до границ человеческого сознания.

– А-а-а-!!!

По ноге побежала горячая струя, остывающая почти сразу. Родион рухнул на колени, обхватив руками голову и сию секунду закрыл уши от разрывающего черепную коробку изнутри все нарастающего воя. Очередной, стремительный порыв повалил его и потащил по земле.

«Волки не догонят...»

– Эй, Родя, ты чего? – Пасюк встрепенулся. – Приснилось чего ль?

– А?! Что?!

Родион живо подскочил с кучи навоза, на которой пригрелся, ошалело оглядываясь по сторонам и трясая головой.

– Саныч, миленький, это ты? Я думал, что умер, потерял тебя и больше не увижу!

– Э-э-э! – Пасюк заерзал на заднице, отодвигаясь. – Ты чего? Ты меня попутал с кем-то? Гляди, зашибу!

– Да нет же!

Родион со всей силы тер уши и лицо, разгоняя кровь, чтобы окончательно проснуться.

– Такая чушь приснилась! Тебя словно вырвали оттуда, пропал ты, а я остался... А может, меня перенесло к чертям на кулички этим ужасным ветром? Волки выли еще, да так громко и страшно, что я чуть было не умер во сне...

– Волки, говоришь?

Пасюк так странно посмотрел на Артемова, что тот остановился и замер, удивленно распахнув глаза.

– Волки...

Александр Пасюк

– Ты чего, Саныч? – неуверенно протянул Родион. – Здесь же нет волков, люди кругом!

– Да этих волков я и не боюсь! – Пасюк поежился, словно снова оказался на ледяном ветру.

– А какие еще волки есть? – Родион договорил почти шепотом, замирая от колючих мурашек, пробежавших вниз по позвоночнику и собравшихся свинцовой тяжестью внизу живота.

– А бес его знает! – воскликнул Пасюк чересчур бодро. – Не бери в голову, Родя! Так, поблажилось мне!

– Нет, ну скажи, раз начал...

– Да тут и говорить нечего! – Пасюк помедлил, словно обдумывая следующие слова. – Так, глупости всякие...

– Ну! – Родион устроился поудобнее, подперев ладонями подбородок и подобрав под себя ноги. – Не томи душу!

– Хм! – Пасюк хмыкнул. – Чувствую себя, словно в пионерлагере страшилки под одеялом с фонариком рассказываю... Только, – он сунул Родиону кулак под самый нос, – если разболтаешь кому...

– Понял, Саныч! – Родион поспешно кивнул. – Молчать буду, как мертвец!

– Сплюнь! А лучше, помолись, прости Господи, а то накличешь на наши головы... Так вот, о чем это я?

Он засопел носом, нахмурился, поерзал на куче кизяка.

– В том году Сивоконь, хоть и балаболит он много, но есть еще у него нормальные казаки: они делают, а он себя потом объявляет Великим кормчим... Значит, ездил он со своими в Тунку ставить поклонный крест в бывшей станице одного атамана, который в Гражданской тут славно покуролесил, Шубин его звали, Станица эта бывшая, село Шимки теперь, до сих пор помнит его, многие с неприязнью – советская пропаганда хорошо вдалбливала штампы о белобандитах и душегубах! Но есть и те, кто его героем считает... Был я у Усольцова, вернее на Аршане тут прошлой зимой болтался с семейством, так вот, Юрка вызвонил меня, к себе в гости пригласил! Встретились мы, он как раз ехал в Шимки крест Шубинский попроведать и меня с собой взял.

– Делать ему нечего? – Родион пожал плечами. – Чего там проведать? Общественники ставили, пусть они за крестом и смотрят...

Договорить он не успел – Пасюк мгновенно вскочил, схватив Родиона за грудки:

– Слышишь? Повтори, чего сказал?

– Я-я-я ни-ни-чего... – забормотал Родион, расширив от страха глаза: таким он Пасюка видел впервые. – Я ничего не хотел плохого сказать! Они же крест ставили...

– Сволочь ты после этого! – Пасюк, отпустив шинель, тяжело дышал. – Мертвые сраму не имут, а заботиться о них надо живым! Святое дело: за могилами героев ухаживать...

– Так крест же не на могиле ставили? – осторожно, боясь очередной вспышки гнева, произнес Родион. – Вроде посреди села стоит?

– Нет, не посредине: на окраине, аккурат около бывшей усадьбы Шубиных... – Пасюк устало сел. – Ай, Родька, не казак ты! Тебе не понять, – он сгреб в кулаке лацкан расстегнутой бекешки на груди, – не понять...

– Так расскажи!

– Юрка зарок дал, что каждый раз 24 января, в день подписания Свердловым Директивы о расказачивании, будет ездить к Шубинскому кресту и затепливать там лампадку. Вот мы поехали: один он бы не справился, торопился – лестницу и забыл! Добрались уже к вечеру – темень, хоть глаз выколи, мороз... Влез я к нему на плечи и то еле дотянулся! Правда, все равно кривая нас не вывезла – сломалась его колымага, пришлось ночевать в Шимках. Эту ночь я на всю жизнь запомню...

– Чего было-то?

– Пока я лазил к лампадке, телефон в снег обронил, только в доме у Юркиных родственников спохватился. Делать нечего: пришлось идти. Отговаривали они меня, но я немного выпил, как же, за встречу... Пришел я, в общем, к кресту, шарил по снегу, словно твой бульдозер, нет телефона, хоть плачь... Вьюжить уже начинало, чувствую, надо возвращаться! Голову-то поднял, глядь, а лампада погасла. Решил я ее снова затеплить. Забор рядом с крестом стоял. Я с него до перекладины креста достал, хотел подтянуться и залезть, но руки проскользнули и я сорвался... Помню только, что головой обо что-то приложился...

– Камень?

– А кто его знает, может, чурка, может, еще чего, под снегом-то не разберешь! Звезданулся не слабо: чик – и отрубился! А вокруг – поляна огромная, Саяны или Тункинские гольцы рядом, из-за сосен не видно... Глядь, а из снега людские тела торчат замерзшие, много их, несколько десятков... Папахи, башлыки, а, главное, шаровары с нашими, желтыми, лампасами... Казачки, упокой их душу, порубанные краснюками... Жуть такая меня взяла, мороз по коже, аж волосы на голове зашевелились... А тут то ли с гор, то ли из лесу вой волчий раздался да такой, что я присел ажно! Такой громкий, что у меня голова чуть не лопнула!

– А потом что?

– Потом ничего! Вспышка яркая перед глазами, и я очнулся в сугробе под крестом...

– Да-а-а, дела! – Родион тяжело вздохнул.

– Но самое интересное я тебе не сказал: я потом с Усольцовым про Шубина как-то говорил, так вот, он сказал, что за лютость красные прозвали его Тункинским волком...

Помощник командира комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев

– Дымком хорошо тянет, товарищ помкомвзвода. С той овчарни никак, более неоткуда просто!

Ларионов вытянул руку, показав приземистое строение, стены которого до половины были засыпаны снегом.

Пахом стал внимательно всматриваться в предрассветные сумерки. Действительно – бывший им в лицо норовистый ветерок явственно пахнул тлеющим кизяком, что использовали местные инородцы вместе с дровами для обогрева своих юрт.

– Интересно, кто там развел костерок? – пробормотал Ермолаев себе под нос, прекрасно понимая и заранее испытывая разочарование, которое тут же разделил с ним едущий рядом боец.

– Вчерашний буран кого-то из бурят в степи настиг, вон внутри и укрылся, да и лошадей ввел.

– Все равно, проверить нужно!

Ермолаев потянул повод, и гнедая лошадь послушно пошла к скотнику. За ним, рассыпавшись в линию, спокойно, но, сняв со спины на всякий случай «драгунки» и держа винтовки поперек седла, потянулись бойцы, настороженно вглядываясь в сумерки. Мало ли что – они сейчас во вражеском окружении, а таковыми были все казачьи селения, всегда нужно держать ушки на макушке.

– Мы здесь, станичники!

Громкий крик, раздавшийся из нутра овчарни заставил сердце бешено заколотиться в груди. Там находились явно не буряты, а казаки, только они могли так обращаться друг к другу. А значит...

– Никак у казары здесь встреча назначена, а нас в поземке еще не разглядели? – негромко спросил Ларионов, наклонившись к плечу.

Ермолаев кивнул в ответ и предупреждающе поднял руку, как бы еще предупреждая своих бойцов, что стрелять только в крайней нужде, и то с опаскою.

«Брать врага только живьем!»

Но красноармейцы и так все понимали прекрасно, обкладывая строение по всем правилам военного дела. Двое бойцов направились с помкомвзвода прямо к выломанному проходу, еще двое зашли с флангов, дабы отсечь путь бегства, будя казаки попытаются сбежать с противоположной стороны. Хотя вряд ли далеко уйдут – коней подстрелить, а на своих двоих в степи не убежишь от верхового, это не тайга с ее буреломами, где любая лошадь ноги переломать может запросто.

Но скрывавшиеся внутри скотника явно не собирались от них бежать – двое, блеснув серебром офицерских погон, утопая по колено в снегу, выбрались из скотника наружу, приветственно махая руками.

«За своих нас приняли в поземке, не разглядели толком. Теперь бы их живьем взять», – обрадованно икнул Ермолаев. Он боялся даже вздохнуть, чтобы не спугнуть такую неслыханную, о которой даже не мечтал, выезжая из Шимков, удачу.

Он успел хорошо разглядеть обоих офицеров – один молодой, в серой офицерской шинели и лохматой грязно-белой папахе сибирских стрелков, бестолково топтался, не хватаясь за шашку. Огнестрельного оружия у него не имелось, по крайней мере, Ермолаев его не видел.

Обычный прапорщик-неумеха, что наспех готовились сотнями при адмирале Колчаке. Какой-либо угрозы он не представлял, а потому взять его живым не составляло большого труда.

Зато второй офицер, в возрасте и с бородой, какую носил расстрелянный царь Николашка, сразу заставил насторожиться. Ладная бекеша с накинутым щегольским башлыком, желтые лампасы, кобура нагана на ремне и ладонь на рукояти шашки Ермолаеву сразу же не понравились, заставив ощериться всеми фибрами души.

Видел он таких битых жизнью монархистов в боях – серьезные враги, упертые. Тем паче этот казак. Таких валить наповал нужно, пока беды большой не наделали.

«Пока поземка идет, нас не разглядают толком. Лишь бы поближе подпустил, тогда можно будет его оглушить прикладом али шашкой. Только бы ребята не подкачали – если свой клинок выхватит, то малой кровью не обойдемся. Но стоит попробовать – мы на конях. А если наган достанет, стрелять насмерть нужно, хоть прапор один достанется, но лишь бы своих бойцов не потерять!»

Мысли в голове летели стремительным галопом, пока лошадь приближалась к овчарне неспешным шагом, выдирая все четыре копыта из наметенных всего за одну ночь сугробов.

Но, подъехав поближе, Ермолаев заметил, что офицеров здорово качает из стороны в сторону. Чуть ли не бросает друг на друга, хотя свирепый ранее ветер стал утихать. И движения какие-то нескладные, дерганые, что у опытных офицеров, да еще с вбитой на всю жизнь выправкой, быть не может. И сердце моментально заполонило злой радостью.

«Так они пьяные в лохмотья, зенки самогонкой залили и за своих нас приняли. Потому без винтарей наружу выскочили. Живьем возьмем офицериков, надеюсь, что бойцы это уже сообразили».

Он оглянулся – его красноармейцы, калачи тертые, сами знали, что делать, чуть склонившись к конским гривам. Со стороны вроде от ветра лица прячут, а на самом деле «разговоры»

и хорошо узнаваемые остроконечные, с шишаком шлемы скрывают. А раз так, то офицеры могут и не различить подмену, и близко подпустят...

Глава пятая. Александр Пасюк

– Мы здесь, станичники!

– Не ори ты, Родя, как мартовский кот, что «хозяйство» свое напрочь обморозил!

Пасюк недовольно скосил глазом в сторону своего молодого приятеля, что скакал бесноватым козликом, цокая по снегу кирзачами, радуясь неожиданным спасителям.

«Так искренне могут прыгать только пьяные люди, готовые возлюбить весь мир», – он хмыкнул, с трудом выдирая ноги из сугроба. Хмельной угар еще не прошел, мутило изрядно, перед глазами плыло, но он все же разглядел пятерку всадников, что браво сидели на конях.

Ладные такие, прямо настоящие казаки – в шинелях, поперек седел крепко держат винтовки, бурятские шапки с непонятным острием, шашки у бедер. Вот только Усольцев божился и клялся, что вместе с ним будут еще два верхоконных казака, более у него станичников просто нет.

А тут пятеро, или перед глазами начало множиться с ночного перепоя и перенесенного стресса?!

Все же литр цельный водки на рыло под половинку одной-единственной шоколадки слишком убойная для здоровья доза. И разные чудеса со зрением сотворить может.

– Мы здесь...

– Не кричи, Родя, они и так нас видят, подъезжают. Только вроде их пятеро. Буряты, что ли, я плохо их вижу? Шапки ихние, с острием, да и халаты длиннополые – они до сих пор старину любят, особенно в национальной одежде щеголять любят. Ладно бы только ружья, тут волки имеются, если они на охоту собрались, но сабли-то зачем с собою взяли?!

– Буряты в халатах, в шинелях они не ездят. – Артемов прищурился, разглядывая всадников, и через секунду воскликнул тонким голоском, полным великого изумления:

– Так это коммунаки недобитые! Поклонники, как его... Каландаришвили. У них на шинелях синие полосы нашиты. И на буденовках звезды синие, мать их! У них что – красная материя перевелась, или у меня глюки начались?!

– «Разговоры», что ли?» – настроение у Пасюка и без того угрюмое, стало совсем мрачным. Он посмотрел на свою изгаженную навозом бекешу, потом скосил злорадствующий глаз на шинель Артемова и выругался в три загиба.

– Видать, Усольцов этих поклонников коммунистов к нашим поискам подключил, вот они всем отрядом и наткнулись. Мать их за ногу, сволочей! Спасители выискались на нашу голову!

– Чего ты ругаешься в три загиба, Сан Саныч? – искренне удивился Родион и удостоился в ответ хмурого, но очень выразительного взгляда. Этот сопляк явно не врубался в ситуацию, а потому Пасюк сразу завелся, с одного оборота, ответил цветистой матерщиной, и лишь потом уже пояснил на литературном русском языке.

– Ты на себя, глянь, господин подхорунжий! Моя бекеша еще ничего, а твоя шинелька вся в дерьме, и вонь от нее на три версты. Ты представляешь, позора какого наберемся?! Половина Тунки всю неделю судачить будет, нас в три загиба поминать! Ты уж сейчас-то не отряхивайся, не позорь себя и меня в их глазах!

Пасюк ухмыльнулся, глядя, как поник его молодой напарник, а потому принялся экстренно спасать положение. Хоть и покачивался от выпитого, но горделиво подбоченился, положив ладонь на рукоять шашки, искренне надеясь, что в этой позиции выглядит в самом выигрышном свете – вот смотрите, люди, какой казак молодец!

Всадники подъехали вплотную, вот только радости на их лицах не было по определению, и руками не махали. Да оно и понятно – красные поклонники партизана и карателя Каланда-

ришвили вряд ли возлюбили «белых золотопогонников». Хотя люди порядочные оказались, презрев политические разногласия, их искать поехали.

А потому подъесаул Пасюк поприветствовал подъехавших к ним верховых, крепких мужичков с русскими лицами, как на подбор, почти вежливо, не помяная по матери, как всегда делал, смотря кинофильмы про Гражданскую войну.

– Не нас ли ищите, служивые?!

– Вас, вашбродь! Давно ищем!

Всадник наклонился – и его улыбка, похожая на оскал волка, Александру не понравилась. Но ничего он сделать не успел, только в какое-то мгновение зафиксировал глазами летящий прямо в лицо приклад винтовки. И тут же в голове взорвалось ядерное солнце...

Родион Артемов

– Уй!

Хрипло вскрикнув, Пасюк рухнул как подкошенный, ничком. Беловатый снег под его лицом моментально окрасился красной дымящейся кровью. Нападение было настолько внезапным, что в первую секунду Родион не поверил собственным глазам.

Затем до его сознания дошло понимание случившегося, и он, как все пьяные люди, моментально преисполнился лютой злобой и отчаянно-веселой отвагой.

– А, краснозадые сволочи! Вы на кого батон крошите, суки червивые?! Да я вас, падлы, научу жизни!

С диким ревом Артемов выхватил из ножен сверкнувший клинок и тут же застыл – он просто не знал, что с ним сейчас делать. Пасюк хоть несколько недель ходил в клуб брать уроки шашечного боя, приходя оттуда довольным котом, нажравшимся сарделек, а вот самому Родиону, как и другим казакам, было некогда заниматься такими глупостями.

Время холодного оружия давным-давно кануло в вечность, и еще прикажете тратить на такое напрочь бесполезное занятие собственные деньги, силы и время?

А потому современные городские казаки с гордостью носили шашки, выставляя их напоказ, хотя три четверти «асфальтовых» станичников просто не знали, что с ними делать в реальной схватке.

– Да я вас сейчас в капусту нашинкую! Бастурмой станете, в бешбармак превращу...

Родион еще раз взревел раненым медведем, из него в такой ситуации всегда сыпались не ругательства, а названия блюд кавказской и восточной кухни, и тут же припомнил легендарный фильм про мушкетеров. А потому лихо ткнул острием в открытый бок всадника, что тоже выхватил свою шашку из ножен.

Артемов прекрасно помнил, что клинок, кованный местными умельцами из плохой стали, тупой, как колун, а потому рубить им бесполезно, можно и не пытаться. На него даже сертификат выдали, что сия шашечка холодным оружием не является, а лишь только сувениром.

– Вот я вас, павианы краснопузые! Сейчас вы узнаете, как с настоящими казаками рубиться!

И обрадовавшись, он, словно разглядывая себя со стороны, встал в самую героическую позу, которая, на его взгляд, должна была морально сокрушить подъехавших к нему всадников, нанес стремительный удар, выбросив вперед руку. Родион вообразил себя на секунду самым крутым рапиристом в мире, чуть ли не его чемпионом.

Звяк!

Родион ожидал, что проткнет всадника насквозь, а потом сядет в кутузку, за «превышение мер необходимой обороны», но неожиданно сильный удар отбил кисть, и клинок вылетел из его руки и красочно, как на картинах, воткнулся в снег.

И тут же получил ответный ход – крепкий пинок сапогом в грудь отшвырнул его назад. Артемов, нелепо взмахнув руками, упал на снег и увидел, что верховой ласточкой выпрыгнул из седла прямо на него, явно намереваясь скрутить лежащего.

Но не тут-то было – Родион все же шесть лет занимался в секции карате, да и драться приходилось не раз, и в пьяном виде тоже. Так что опыт стычек, пусть и не совсем таких, а похожих, у него имелся, и вполне достаточный, как у большинства россиян.

А потому парень рефлекторно пнул ногой высоко вверх, даже лягнул, и прямо в брюхо падающего на него человека.

Хэк...

– У, мля! Задушу, контра! Собственными руками задушу! Нет, вначале муди оторву! И съесть заставлю! У-у! Гад!

Родион вскочил на ноги первым, а ряженный красноармейцем катался на снегу, держась обеими руками за пах и изрыгал из себя самую гнусную матерщину, угрожая проделать над ним сто казней египетских.

Второй всадник, что «оприходовал» Пасюка, лихо спрыгнул с коня, и с винтовкой в руках кинулся на Родиона. Буром попер на него, как алкаш на заставленный бутылками буфет, подставив для удара самое слабое для мужика место.

И Родион, радостно взвизгнув, решил повторить приобретенный секундами раньше удачный опыт, с диким криком, что вызвал бы одобрение сэнсэя, нанес классический удар, который десятки раз отрабатывал в спортивном зале.

– Кийя!

Вот только забыл Артемов, что шинель не кимоно, а вместо покрытого матами пола блестящий твердый наст, покрытый коварным снежком, а на ногах скользкие до ужаса кирзовые сапоги с гладкой, чуть ли не из картона, подошвой.

– Уй!

Правая нога еще шла к вожделенной цели, но левая поехала вслед за ней по снегу, и Родион понял, что падает на спину. Можно было еще извернуться, но ряженный ловко крутанул руками винтовку и хрякнул прикладом по коленке.

– Ай! Сука! Козлы позорные! Беспредельщики!!!

Артемов катался по снегу, вопя от дикой боли куда громче, чем подраненный им мужик, и изрыгал самые гнусные слова, что слышал от подгулявших братков в его «приличном заведении».

Сильнейший пинок в бочину опрокинул подхорунжего на живот, лицом в снег, и на спину навалилась тяжесть. Руки вывернули с невероятной силой, задрав локти. Кто-то тут же стал связывать кисти, делая это с немалой сноровкой.

– Отбегался, ваше благородие! Так что лежи, пока я тебе бока не намял! Ишь ты, молод ишчо, молоко на губах не обсохло, а уже подлым ударам научился! Это как можно мужика по мудям сапогом приглаживать?! Это каким зверенышем быть нужно?! У нас в деревне за такое башку махом отрывали!

Помощник командира комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев

– Вы на кого ручки свои блудливые подняли! Суслики жеванные, козлы похотливые, волки позорные!

Ермолаев поднял было сапог, чтобы пнуть связанного прапорщика в бок, но остановился – такого вычурного набора слов он еще не слышал в своей жизни. По опыту старый служака знал, что человек, когда испытывает сильную боль, способен на многие откровения. В том числе и такие, как сейчас, что не грех и запомнить, а потом при случае свернуть.

– Геи пломбированные! Чтоб вам гриф гитарный в очко засунули! С размаха, да повернули. И смычком потом поиграли!

– Складно излагает офицерик, – рядом завистливо вздохнул Ларионов, уже пришедший в себя от пропущенного удара, – ловок оказался их благородие пинаться. Да кричал как страшно, совсем не по-русски. – И вздохнул с нескрываемым сожалением: – В университете, видать, учился, вон как шпарит. И хотя слова незнакомые наполовину, зато все понятно!

– В университете, – машинально поправил его Ермолаев, будучи не просто грамотным, а два класса высшего начального училища прошедшим. И только снова поднял сапог, как тут же застыл, напряженно вслушиваясь в гневные крики офицера.

– Сюда сейчас вахмистр Юрка Усольцов подъедет с казаками, они из вас котлетный фарш нарубят!

Ермолаев вздрогнул – эту фамилию им уполномоченный на днях говорил. В банде есаула Шубина служит такой, чуть ли не его правой рукою. Вот только имени еще в ЧК не знали. Ведь в долине Усольцовых, как на дворовой барбоске блох, и все из них казаки, поголовно и люто ненавидящие Советскую власть.

Рядом беспокойно завертели головами по сторонам бойцы, взяв на изготовку винтовки – мигом сообразили, кого поджидали в заброшенном скотнике господ офицеры. Хотя наступило утро, и рядом целый стрелковый батальон расквартирован, а все равно мало приятного узнать, когда где-то рядом озверелые казаки рыщут.

– Пятеро их, казаков, не иначе. Потому эти офицеры нас за них приняли, товарищ помкомвзвода, – тихо прошептал на ухо Ларионов, но тут же замолчал, ибо схваченный прапорщик, вопя от боли, стал выкрикивать совсем серьезные вещи.

– Да у меня в стриптиз-баре на Луговой крутые «бойцы» завсегда тусуются! «Положенцы» в авторитете! Мы вашу местную совдеповщину в клочья скоро порвем! Как тузик грелку! Братва на «меринах» подкатит, «стрелку» вам забьют, предьяв накидают...

Ермолаев посмотрел на Касьянова – тот, уроженец Иркутска, кивнул головой – мол, есть в городе такая улица.

– Что это он такое гутарит?

– Т-с, – осадил Ларионова Пахом и тихо произнес: – С Иркутска они, из белого подполья сюда посланы. Положение в городе держат, а потому влиятельны шибко. Авторитетные там руководят господом. Видно, с казаками переворот решили устроить. А в городе своих боевиков, бойцов держат. А прапор ряженный, но сам не казак. Из образованных, поговору слышно. Да, – помедлив, он добавил: – лошади у них, видать, хорошие! Мерины какие-то! Может, и нам пригодятся? Надо бы и нам таких лошадок поиметь...

Ермолаев задумался на секунду и понял, что действовать нужно быстро и решительно. Он повернулся к красноармейцам и принялся командовать, негромко отдавая приказы.

– Хижняк и Андреев! Быстро наденьте их форму, и штаны с лампасами тоже. Может, и обознается Усольцов, а вы казаков в упор валите, если сюда подъедут. Но вряд ли – утро наступает. Но все же настороже держитесь, помощь сразу отправлю. Офицеров в седла привязать, напрямую в Шимки уйдем, пока еще метет, может, и не заметят. Поднимем караульную роту, да прочешем здесь всю округу, надеюсь, что не успеют уйти в горы.

Бойцы принялись раздевать офицеров, развязав им руки и навалившись по двое. Шинель с бекешей сняли сразу, и тут же связали. Подьесаул был без сознания, от него разило сивухой за версту.

Однако Ермолаев уважительно цокнул языком – встречался он с такими офицерами на Маныче в прошлом году, тоже были в черных гимнастерках «цветных» полков. И знак у того на груди знакомый, в виде венка с наложенным сверху мечом.

– Это корниловец, братцы, и с орденом ихним «За ледяной поход», что они на Кубани проделали! Видно, от Деникина он сюда направлен. Знатную птицу мы поймали!

Бойцы с ненавистью, но и с нескрываемым уважением уставились на беспмятного офицера – вражина лютейший, поневоле относиться серьезно будешь. Однако тут все вздрогнули от яростных воплей прапорщика, с которого стали снимать шаровары с желтыми лампасами.

– Вы что затеяли, гомосеки?! Себя долбите сколько хотите, а я-то при чем?! Саныч! Они тут все педерасты!

– Пасть кляпом быстро заткните, а то он всю округу своими воплями переполошит!

Время стремительно уходило, а потому приказ Ермолаева выполнили почти мгновенно, и через пару секунд прапорщик подавился собственной рукавицей. Помкомвзвода почернел лицом, понимая всю тяжесть свалившегося на них тяжелого груза ответственности.

– Теперь мы можем все полечь под пулями, товарищи бойцы, но эти офицера живыми должны быть доставлены в Особый отдел! Живыми, только живыми!

Глава шестая. Александр Пасюк

Голова немилосердно болела – еще никогда в жизни Александр не испытывал столь жуткого похмельного пробуждения. В первую секунду он даже не понял, куда попал, и почему так жутко болит тело. И тут же был скрючен жесточайшим спазмом.

– Э-во, ха...

Выворачивало его качественно, наизнанку. Пасюк захлебывался блевотиной, но ничего не мог сделать, ибо руки и ноги совсем его не слушались, будто связанные.

– Да что ж такое делается?!

Подъесаул с невероятным трудом перевалился на бок, и этим спас себя от неминуемого удушья. Рвотная масса хлынула на загаженный грязный пол из плохо струганных досок, и Александр с невыразимым облегчением вздохнул живительного воздуха.

Однако стоило ему попытаться выпрямить свои затекшие ноги, как он не удержался на боку и перевернулся на живот, угодив лицом в теплую, исходящую парком, собственную жижу. Это и добило – его снова вырвало, не менее обильно.

– Ип-тыть!

Кое-как, с превеликим трудом извиваясь ужом, Пасюк отполз чуть в сторону и уткнулся во что-то мягкое. Спасаясь от искусственной слепоты, он стал тщательно вытирать свое изгаженное лицо о шершавую ткань, мотая головой, как уставшая лошадь, из стороны в сторону. Зрение вскоре вернулось, и, открыв слипшиеся веки, подъесаул принялся оглядываться.

– Х-де я?

Бревенчатый потолок, такие же стены – тусклый свет падал с маленького, покрытого ледком, оконца. А еще была печка с кирпичной трубой, и, коснувшись ее лбом, он понял, что ту недавно протопили.

Теплая...

– Это что ж они творят, падлы?! Беспредельщики!

Память к нему мгновенно вернулась, несмотря на жуткие похмельные страдания, и тут же услужливо перелистала страницы недавнего прошлого. Остановившись на последнем кадре, когда обряженный красноармейцем детина ткнул его в лицо прикладом винтовки. Это видение снова вызвало приступ острого бешенства.

– Падлы! Краснюки ряженые!

Ему захотелось впиться зубами в горло этой сволочи, ибо Пасюк только сейчас понял, что иного оружия у него просто нет – и ноги, и руки были качественно связаны. Умелец знающий постарался – с толком вязал, по мягкому бессознательному телу. Потому сам хрен освободишься, от таких пут в одиночку не избавишься.

– Твою мать!

Выругавшись, Пасюк пришел к новому выводу, от которого озверел еще больше. Ему высадили два передних зуба, их острые осколки, торчащие из десен, он ошупал языком.

– Ну, твари гребаные, вы мне за это заплатите. Нашим скажу, они вас в клочья порвут!

Пообещав устроить ряженым красноармейцам самые лютые казни, какие только могло представить его воображение, начиная от элементарного мордобоя и заканчивая качественной поркой, он немного успокоился и посмотрел на лежащее рядом тело, также крепко стянутое кожаными ремешками и перемотанное веревками. В знакомой гимнастерке с серебристыми погонами, на которых сиротливо блестело по одной звездочке, будто слезинки, что текли из его глаз.

Артемов дрых самым бессовестным образом, выдавая тихие свистящие рулады. Вот только вид у того был еще тот, страшный до жути. Одно лицо в спекшейся блевотине и крови о многом говорило. На лбу товарища одиноким холмом высилась царственная шишка, под пра-

вым глазом обильно и широко разлилась плотная фиолетовая синева – кто-то явно приложил туда кулаком или сапогом.

– Нет, ну каковы ублюдки!

Только сейчас Пасюк осознал, что их не только варварски, жестоко и немилосердно избили. Причем неизвестно за что, за какую вину. Но еще самым циничным и наглым образом обобрали. И он с лютой угрозой в голосе пробормотал:

– Ладно, стянули вы штаны с лампасами, фетишисты гребаные, но содрать с груди заслуженные казачьи награды?!

Такого кощунства Александр простить не мог. Все, заигрались местные поклонники Каландаришвили, а потому он их бить не станет, и в ментовку не пойдет. Он направится напрямиком к прокурору, причем предварительно проинформировав войскового атамана и сняв в первой же больнице нанесенные им побои. И пусть уже власть сама с недобитыми коммунарами разбирается. Сие ее задачей является, чиновникам и полиции за это платят.

– Это же экстремизм в самом чистейшем виде, террористы, мать их в душу, – с нескрываемой ненавистью пробормотал Пасюк и пополз к Артемову, извиваясь всем телом, словно змея. В голове у него появился новый план, как им вдвоем побыстрее отомстить своим обидчикам. Ибо такое важное дело оттягивать до прокурора никак нельзя!

– Щас, паря, я путы тебе разгрызу, потом ты меня развяжешь. И мы устроим этим ублюдкам представление!

Родион Артемов

– Да очнись, ты, дурень!

Знакомый голос с трудом ворвался в сознание, разметав в стороны хмельную муть, и в мозгу словно обрушилась какая-то пелена. Артемов дернулся всем телом и очнулся. С невероятным трудом он поднял слипшиеся, словно свинцовые веки и открыл глаза. Вначале перед ними плыла какая-то муть, а потом он увидел лицо Пасюка. Но в каком виде был прежде бравый подьесаул?!

– Ни хрена они тебя отделали!

Родион хрипло вытолкнул из горла первые слова, что пришли ему на ум. Старший товарищ просто был страшен чумазым ликом, перепачканным кровью и какой-то вонючей мерзостью. Нос был превращен в синюю запеченную «бульбу» – ну как же, прикладом прямо в лицо врезали. Во рту виднелась черная проплешина между белыми, аж блестящими зубами.

– Саньч, эти педерасты тебе зубы выбили!

Сказал и осекся, ибо Пасюк от констатации этого простого факта оскалился бешеным псом.

– Я с этими коммунарами недобитыми сейчас посчитаюсь. Только ты меня развяжи скорее, путы на тебе я уже перегрыз. И зубами все веревки с ремешками вытянул. Хорошо связали, сволочи. Это не Тунка, а прямо заповедник недобитых коммунистов!

Артемов присел – голова жутко болела, ее разламывало, будто внутри с молоточком засел маленький, но пьяный в дупель, гномик, и принялся со всей своей бесшабашной дури лупить по стенкам бедной черепушки. То ли зверское похмелье началось, то ли от побоев, а скорее от двух этих факторов вместе взятых.

Машинально Родион огляделся, скидывая с себя веревки – их явно заперли в каком-то теплом сарае для скота, ибо смердило навозом или пометом изрядно, благо еще и печь была.

Теплая!

– Да ты не озирайся, развязывай меня скорее...

Злой шепот друга выдернул его из созерцания, и Родион принялся растирать затекшие от пут руки, с изумлением разглядывая глубокую бороздку на коже запястий.

– Так завсегда бывает, Родя. У меня руки тоже затекли. Да не сиди ты сиднем, развязывай!

От яростного шепота Артемов наконец-то опомнился и принялся разматывать Пасюка. Узлы пальцам не поддавались, ногти были недавно острижены, а потому он недолго думая пустил в ход зубы, хотя прикасаться ими к липким и вонючим ремешкам было противно.

Измочалил кожу и потянул кончик – вроде бы хорошо пошло. Но запашок стоял такой, что к горлу подступила тошнота, и его неожиданно вырвало гнусной и дурно пахнувшей смесью прямо на спину товарища. Хорошо, хоть лицо успел чуть отвернуть в сторону, и большая масса рвоты загадила и без того грязный пол.

– Ты что творишь, паря! На хрена меня облеивать!

Возмущение Пасюка было воистину безграничным, голос прямо дрожал от едва сдерживаемого негодования. И Родиону повезло, что руки того были еще связаны, иначе схлопотал бы он крепкую плюху.

– Прости, Саныч, я нечаянно!

– Да ладно уж, прощаю. И так я грязный как свинья – и стираться надо, и мыться. В баньку бы...

– Не мечтай. И радуйся, что я отпетушить тебя не дал!

– Что?!

Пасюк чуть ли не подлетел на полу, глаза вылезли из орбит. В другое время Родион бы засмеялся, но сейчас ему было не до смеха. Он сам искренне верил в то, что говорил, настолько красочно было воспоминание об охватившем его тогда ужасе.

– Они тебе прикладом в зубы дали, ты и скопытился! А я одному в харю приложился, завалил суку! Тут они на меня все и набросились скопом! Я бы отбил, да сапоги подвели, поскользнулся...

Родион говорил горячо, глядя, как Пасюк умело растирает свои затекшие руки и ноги, восстанавливая кровообращение. Молчание подъесаула он воспринял на свой счет и решил открыть ему глаза на истинную подоплеку событий.

– Эти краснюки переодетые не спасать нас с тобою приехали! На всю жизнь опозорить хотели, над казаками поизгалятся в честь своего праздничка! – Родион захлебывался от возмущения. – С тебя они штаны сдернули, и один свою елду настраивать начал, а она у него конячья! Подумал еще, что вдудонит он тебе по самую сурепицу, ты копыта враз отбросишь! Я завопил, как мог, они и испугались – на коней нас закинули и повезли! А я сознание потерял и не видел дороги...

– Отпетушить хотели?! Лучше смерть!

Пасюк хватанул себя за задницу пятерней, словно проверяя, состоялся ли над ним акт мужеложства, пока он был без сознания. Проверка, видимо, его не совсем убедила – настолько страшно исказилось лицо подъесаула, что Артемов отшатнулся от него.

Шутить на тему старого анекдота про макакуку и смерть от нее храброго воина, ему сразу расхотелось, и тут он услышал за окошком громкие голоса и скрип снега под ногами.

– Падай быстрее на пол, накинь на себя веревки, замри и ветошью прикинься!

Злой шепот Пасюка был преисполнен лютой злобы, в такой ярости Родион его еще никогда не видел, а потому быстро накинул на себя веревки и упал на пол, выбрав место почище. И, уже закрыв глаза, выслушал тихое распоряжение рычащим голосом:

– Мы их не бить будем! Мочи тварей, что есть силы, лучше в тюрягу сесть, чем такой беспредел над собою снести! Педерасты, мать их за ногу! Я вам устрою гей-парад под красным знаменем!

Помощник командира комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев

– Командир взвода Ермолаев, доблестный боец Рабоче-Крестьянской Красной Армии награждается орденом Боевого Красного Знамени!

Комбриг Грязнов подошел к нему вплотную, расстегнул крючки на шинели и, просунув руку, стал привинчивать заветный бело-красный знак на алой розетке. Ермолаев задохнулся от переполнявших его чувств, а комбриг неожиданно гаркнул ему прямо в ухо:

– Да проснись ты, взводный...

Пахом судорожно дернулся от неожиданности такой перемены и вскочил с мягкого топчана, еще находясь во власти сна. И только сейчас проснулся, увидев как от него шархнул Ларионов.

– Тебя, взводный, Либерман к себе кличет, он с Кырена приехал!

– Такой сон ты мне испоганил. – Ермолаев передернул от возмущения плечами и подошел к жестяному рукомойнику. Холодная вода вернула ему обычное состояние, и Пахом почувствовал себя свежим как никогда.

– Да не стой ты тут столбом, сейчас схожу в Особый отдел, – повернулся он к Ларионову, что нагло ухмылялся, косясь на кровать. Тут гадать было нечего – боец нетерпеливо ждал своей очереди выспаться, уж больно суетливой была прошедшая ночь и суматошным все утро.

– Товарищ Либерман приказал к нему захваченных нами офицеров немедленно доставить. Так и велел! Пусть хоть водой их отливают, но в чувство привести. И тебя приказал разбудить, мол, и так чуть ли не весь день ваш помкомвзвода проспал. Так что иди ты к нему, уж больно гневен сейчас товарищ уполномоченный!

– Да ложись ты спать! – Буркнул Ермолаев красноармейцу и стал застегивать ворот гимнастерки. И, не успев дойти пальцами до верхней пуговицы, услышал за своей спиной заливистый храп – то парень уже торопился наверстать упущенное нынешней ночью.

– Зовет, так придем!

Пахом надел на себя меховую безрукавку, затем шинель, туго перепоясался ремнем с тяжелой кобурой нагана и проверил, как выходит остро заточенный клинок из ножен.

Это он делал каждый раз перед тем как нацепить шашку – насмерть вбили в память введливые гусарские унтера на первом году четырехлетней службы, которая должна была закончиться у него аккуратно в августе 1914 года. И он тогда мечтал, как вернется в свою деревню в красивой форме и все девки наперебой станут на него заглядываться.

– Не судьба...

Печально усмехнулся Ермолаев своим воспоминаниям. Вместо дома оказался молодой ефрейтор на долгой трехлетней войне с германцами, в которой его ранили дважды шрапнелью. А также отравили раз боевыми газами, и пулей в ногу свои же угодили.

Все было на той войне, двумя Георгиевскими крестами с медалью наградили даже, вот только не за лихие конные атаки, которые он раньше представлял. Пулемет заставил кавалерию спешиться, загнал ее в окопы, что быстро опутались колючей проволокой в несколько рядов.

Тяжелые «чемоданы», которыми русских щедро потчевала германская артиллерия, наводили на солдат такую тоску, что была особенно страшной в долгом и томительном окопном сидении.

За что солдатики кровь три года проливали?! Чтобы буржуи продолжали сладко есть и пить?!

В семнадцатом году прорвало – армия и народ на дыбки дружно поднялись, показали свою силу. Пахом с удовольствием вспоминал, как насадил на штык костлявого ротмистра,

бывшего гвардейца, изгнанного за какие-то темные дела из полка. Тот был гневлив безмерно, всячески оскорбляя гусар, и тяжел на руку.

Вот и отлились кошке мышьи слезки!

Зато какими шелковыми враз офицеры с генералами стали, глазки как у них забегали, искательно. Зато потом они от страха потихоньку опомнились и за Корниловым пошли – сам Ермолаев тогда на Кубани еле ноги от белых «добровольцев» унес...

Глава седьмая. Александр Пасюк

– Никшни, Родя!

Подъесаул шепотом отдал команду и притих, изображая из себя беспамятное тело. Но внутри Александра просто трясло от еле-еле сдерживаемого бешенства. Он многое повидал в своей бурной жизни, даже судимость, ныне погашенную, имел за хулиганство, хотя и условную, в «обезьяннике» трое суток парился, что было, то было!

Но такое?!

Даже знающие «братки», с которыми он в свою бытность разговаривал, о таком беспределе гомосексов, обряженных в форму красноармейцев, даже не заикались. Вообще до сегодняшнего дня Пасюк никогда не слышал, чтобы «голубые» вот да таких «ролевых игр» додумались...

Дверь открылась со скрипом, и в узилище зашли двое – Александр хорошо видел вошедших через ресницы: испытанный прием всех женщин, которым и в его положении сейчас не грех воспользоваться.

Оба были в длиннополых шинелях с поперечными красными «разговорами», в солдатских куцах папахах, а не в тех «лохматках», что носили они с Родионом. И вооружены столь же «древним» оружием, согласно принятым на себя ролям – у одного висел кривой кинжал бебут на поясном ремне, у второго винтовка, обычная драгунская, немного укороченная «мосинка» с примкнутым граненым штыком.

«Заигрались, сукины дети, все так натурально!»

Мысленно восхитился Александр, прекрасно осознавая, что в нынешних оружейных магазинах можно купить любую нерабочую модель. Он сам ППШ по случаю приобрел – совсем как настоящий, вот только ствол у него сплошняком залит, да бойка нет, без надобности.

Многие потому для школы такие же АКМ и АК-74 приобретают – разрешений не нужно, а потому свою голову ломать не надо, по инстанциям бегаючи. Зато курс первоначальной военной подготовки для детишек организовать запросто можно, сборку и разборку. Ведь совсем как настоящие автоматы, только стрелять из них невозможно.

– Товарищ Либерман приказал этого есаула к себе первым привести, – сильный пинок в бок тряхнул тело. – Эй, ваше благородие, давай очухивайся да зенки свои открывай!

– Не, – гундосый голосок проблеял со стороны, – не встанет офицерик, вона как перегарищем за версту от него прет. Да и облевался весь, как худой котенок, вонизма одна идет, аж в носу засвербело!

– Давай в снег его окунем, очухается...

«Натурально-то как играют, в роль вошли!»

Этого момента Александр и дожидался с превеликим нетерпением, почувствовав, что над ним наклонился один из «красноармейцев», а второй своей лапищей уже взялся за ногу.

Хряк...

– Ой, вбили!

Ступня с размаха хлестанула подъемом точно по носу – красноармеец отлетел к печке и, ударившись затылком о дверцу, да так, что звон пошел, обмяк, конвульсивно дернувшись конечностями.

– Уй-я!

Второй боец успел вскрикнуть от лютой боли – кому понравится, когда грязным пальцем прямо в глаз ткнули!

Хряк-с!

И тут же последовала выброшенная вверх ладонь правой руки – ее ребро врезалось в мягкое горло. Но удар с лежащего положения оказался все же слабоват, тюремщик только вякнул и тут же ухватился за рукоятку бейсбита. Это было его последнее осмысленное движение.

– Кийя!

Хрясть...

Александр знал, что Артемов занимался карате, но чтоб с одного удара по шее убить вот так запросто?!

– Ты что творишь, Родя?! С «катушек» совсем съехал? «Резьбу» сорвало на хрен?! За это срок нехилый нам живо наматают, на необходимую оборону не посмотрят!

Пасюк ошалело посмотрел на молодого приятеля, от которого он никак не ожидал подобной прыти.

«И откуда столько лютоści взялось у парня?!»

А тот с изумлением рассматривал свою собственную ладонь, будто в первый раз ее увидел.

Ряженный красноармейцем лежал у них под ногами, с его рта толчками выплескивалась густая дымящаяся кровь – он хрипел, царапая доски корявыми пальцами. И шея неестественно выгнута – слишком сильный оказался удар, сломавший шейный позвоночник.

– Капец котенку, лапы склеил!

Кратко и глухо констатировал следствие схватки Александр и только сейчас опомнился. Посмотрел на второго тюремщика – тот уже не двигался, с прокушенной губы по подбородку текла кровь. И именно вид этой алой жидкости снова его взбесил – семь бед, один ответ.

– Их трое осталось, Родя. Теперь нам нужно всех насмерть валить, чтоб другим неповадно было!

Пасюк крови и трупов совершенно не испугался – и дрался часто в молодости, проливая свою и чужую юшку, и в тайге, встретившись с лихими людишками, в бытность своей работы егерем, двух браконьеров лично застрелил. Напарнику его тогда не повезло – первым шел и словил в упор картечный снаряд в грудь, всю разворотило. Он потом его на руках держал, глотая соленые слезы. Так что привык к смертушке, не испугала она его.

И хуже – кровь ударила в голову, так часто бывает.

– Посадят ведь, Саньч!

– Ни хрена, на состояние аффекта спишут! Любой судья за этих мужеложцев срок нам условным сделает – они же нас хотели трахнуть, твари! Не мы их! Надо же, кинжал у этого прямо настоящий!

Он хладнокровно наклонился над трупом и с лязгом выхватил из ножен бейсбит. Таким ему приходилось уже пользоваться на занятиях, правда, на счет своих фехтовальных способностей, он не обольщался. Так, для показухи целый месяц учился, крутя казачью шашку в кисти чуть ли не до вывиха, не для боя. Чтоб впечатление на незнающих произвести да перед молодыми бабенками похвастаться.

Ну и бейсбитом заодно немного поучился, техника одна, только клинок у него чуть короче, чем у шашки. А вот обычный нож совсем других тренировок потребовал, совсем иные оказались с ним приемы.

Клинок, причем остро заточенный, заиграл в руке, и Александру даже показалось на секунду, что сталь испытывает сама нетерпение. Это ощущение и снесло окончательно «крышу»...

Родион Артемов

Родион растерянно посмотрел на Пасюка, что в теплых кальсонах, но с длинным кинжалом в руке, рванулся к открытой двери раненым быком, и перевел взгляд на лежащую на полу винтовку.

Решение пришло к нему мгновенно – бросить товарища, старшего брата-казака, что спас его от смерти в буране, он никак не мог, а потому наклонился над оружием.

Легендарная «мосинка» оказалась чуть-чуть тяжелее учебного «калаша», который он один раз разбирал-собирал на военных сборах, что проводили в станичной Управе при церкви, длинной, с торчащим штыком, который так и норовил ткнуться, а потому очень неудобной. Такой орудовать придется как копьем, только втыкать, куда придется.

Со штыком наперевес Родион бросился в дверь, сумев представить себя со стороны в самом героическом свете – израненный коварными супостатами казак идет в последнюю атаку, как легендарные каппелевцы, искренне надеясь своим решительным видом обратить здешних коммунистов в бегство. А если что не так пойдет, то Артемов был твердо уверен, что Пасюк его выручит.

Но, выскочив во двор, он тут же наступил на тело в серой шинели. И взвизгнул – вокруг разливалась кровавая лужа, яркая даже на загаженном сером снегу. Потом Родион увидел Пасюка, совершенно озверелого и громко матерящегося – тот втыкал бебут, словно штырь, в бедро лежащего под ним второго солдата, который в свою очередь истошно кричал, сотрясая вечерний морозный воздух.

Такой вопль Артемов однажды слышал в деревне, в своем раннем детстве, как раз перед школой, когда гостил у бабушки – дед тогда резал во дворе свинью!

Заполошный, леденящий сердце холодными тисками, полный смертного ужаса крик!

И тут он увидел, как из всех строений, окружавших просторный двор, посыпались все такие же ряженые люди, как вошедшие в недавнее узилище – в серых шинелях и грязных полушубках, в папахах, многие сжимали винтовки в руках. Были среди них и другие, хотя и немного, наподобие тех, кто их пленил – но разноцветные красные и синие «разговоры» на форме ввели его в ступор на добрую секунду.

«Да откуда вас столько взялось, как тараканов?!»

Ненормальность происходящего настолько поразила его сознание, что Родион заполошно закричал во все горло, всем инстинктом ощутив, что сейчас их будут просто убивать, шкурой своей понял, что заледенела по хребту нестерпимым ужасом.

– В очередь, сукины дети, в очередь!

– Саныч! Да их тут как грязи!

Артемов стрелял один раз из ружья, там тоже нужно было передернуть затвор, как на этой винтовке. Однако, к его великому изумлению, рукоять затвора так и осталась недвижимой, хотя он рвал ее всеми пальцами. А между тем народа в просторном дворе все прибывало, лица людей, искаженные злой яростью, оптимизма не прибавляли.

Родион огляделся загнанным зайцем и увидел, как на Пасюка набегает красноармеец в буденовке, с обнаженным клинком в руке. Он его узнал сразу же, именно этот хмырь ударил подбесаула прикладом по лицу, а потом скрутил и его самого.

– А, сука! Зарублю сволоту!

Судя по дикому реву Александра, тот тоже опознал своего недавнего обидчика. И с хриплым матом кинулся на него, высоко подняв сверкающую сталь бевута для удара.

Звяк!

Клинок был вырван из рук Пасюка сильным ударом и улетел куда-то в снег. Но приятель, с тем же диким звериным воплем, в единый миг преодолел расстояние до врага, и впился тому

зубами в лицо, рыча голодным псом. Теперь истошно взвывает ряженный, пытаясь отодрать от себя озверелого казака, громкими воплями призывая на помощь.

– Ну, мля, офицерик!

Так и держа винтовку как весло на высоте груди, Родионов растерянно посмотрел в сторону свирепого до ужаса голоса, что раздался почти рядом. На него бежал человек в солдатской шинели, направив прямо в живот ствол винтовки с острым жалом штыка.

– Живьем брать офицеров! Живьем!!! Убьете, всех под трибунал отправлю! Под расстрел пойдете!

Резкий голос с высокого крыльца, принадлежащий неизвестному в черной кожаной куртке, будто сошедшего с кинолент, посвященных ЧК, словно остановил солдата, и острое жало штыка, вместо того чтобы проткнуть Родиона, вильнуло в сторону.

Подхорунжий вышел из ступора и лягнул солдата что было сил, не желая оказаться куском мяса на остром шампуре. Удар пришелся тому в коленку, однако напор оказался настолько велик, что ряженный буквально отшвырнул своим плечом Артемова назад.

За спиной кто-то вскрикнул, штык винтовки, которую Родион не выронил из рук, уткнулся в какое-то препятствие. Он повернулся и волосы встали дыбом – острое граненое жало торчало из разинутого рта, из которого буквально хлынула потоком алая дымящаяся кровь.

– Эй-х...

От осознания того, что он собственноручно нечаянно пригвоздил солдата к стенке, и убил того – чтобы такое понять, ему оказалось достаточным взглянуть в бездонные глаза умирающего, Родион в жуткой панике, вложив все силы, отчаянно рванул винтовку обратно. Словно это движение могло бы спасти жизнь заколотого им молодого солдата.

Хрясь!

– Ось-хра!

Словно по стене ударил. Приклад пришелся точно в лицо того солдата, что подбежал к нему первым. Нос моментально брызнул кровавыми соплями, тот навзничь рухнул на снег, зажав окровавленными ладонями лицо. Родион в ужасе выронил винтовку из рук.

– Я нечаянно...

Еле слышно проблеял парень, и тут же был свален на снег подбежавшей толпой. Удары посыпались суматошным градом со всех сторон, вначале было очень больно, а потом в голове Артемова словно взорвалась яркая электрическая лампочка в тысячу ватт...

Помощник командира комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев

– Что же ты так с охраной опростоволосился, товарищ Ермолаев?! Ведь трех бойцов офицеры насмерть таки вбили. Еще двух изувечили – одному челюсть прикладом разнесли, шепелявит теперь едва-едва. Другого ножом истыкали...

– Бебутом, товарищ Либерман!

Машинально поправил Пахом, пребывая в самом тоскливом состоянии. Сейчас на него чекист, а уполномоченных Особых отделов именно так в армии называли, всех собак на него свешает, и хана – за меньшие проступки трибунал в «расход» направлял.

– Ага, кинжалом, – с нехорошей улыбкой согласился Либерман, задумчиво потерев свой выдающийся вперед нос. – Хорошо, что доктор из Тунки здесь к роженице приехал, успел защитить ногу, иначе бы боец кровью истек. И по твоей вине, товарищ Ермолаев, все случилось.

– Виноват, товарищ Либерман, – совсем убитым голосом произнес Пахом, только сейчас осознав насколько коварным был недавний сон. И вождленным орденом поманил, и новым званием. Все же или два «треугольника» на рукаве носить, или командирский «кубарь» – есть

большая разница. А тут, если даже трибунал смилостивится над ним, во что поверить трудно, то опять в рядовые переведут. И спорет он свои алые нашивки как миленький, да еще с радостью, что к стенке не поставили.

– Скажи, что думаешь об этих офицерах? Ты у нас опытный боец, шестой год воюешь, глаз наметан!

Чекист резко задал ему вопрос, который Пахом сейчас никак не ожидал, да еще внимательно посмотрел на Ермолаева блестящими глазами. И тот почувствовал облегчение, поняв, что уполномоченному Особого отдела его соображения действительно очень важны. А потому начал отвечать медленно, тщательно подбирая слова.

– Подьесаул опытен, матерый, но чин выслужил из простых казаков. У него на правом плече кожа более плотная, видно, что приклад часто приставлял. Шашкой владеет мастерски...

– Ты же ее первым ударом вышиб!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.